

АЛЬБИНА
ГУМЕРОВА

Дамдых

Альбина Гумерова

Дамдых (сборник)

Серия «Ковчег (ИД Городец)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44137026

Дамдых: ИД «Городец»; М.; 2019

ISBN 978-5-907085-26-8

Аннотация

«Женщина чувствует, мужчина думает. Шея управляет головой. У женщины прекрасное, но не ведущее место в мире, потому что мир мужской. Так было, есть и, надеюсь, будет. В мире, где правят женщины, я жить не хотела бы», – говорит Альбина Гумерова.

«Дамдых» – книга о женщинах, о том, как они любят, ненавидят, радуются, страдают, ошибаются, не знают, что делать дальше.

Кто является лирической героиней Альбины Гумеровой? Скромная, нежная, покорная, сильная духом, такая, до которой нам далеко. Героини ее рассказов и повестей не идеальные, но в них есть какая-то чистота и искренность. У них можно многому научиться. Возможно, и вы захотите, чтобы рядом с вами была такая подруга или сестра.

Содержание

Кройка и житьё	5
1	5
2	10
3	23
4	30
5	38
6	46
7	54
8	64
9	73
10	84
11	94
12	102
13	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

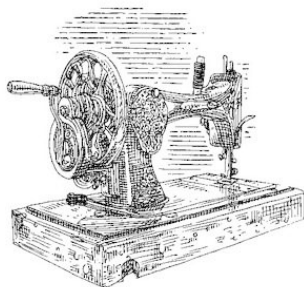
Альбина Гумерова

Дамдых

© А. Гумерова, 2019

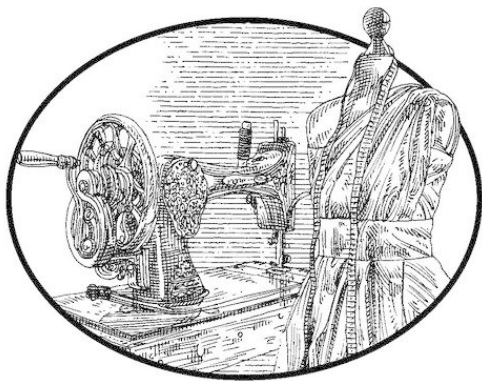
© ИД «Городец», 2019

* * *

Кройка и житьё

Повесть

1

В шестнадцать лет Резеда попросила у родителей лошадь. Отец купил для нее жеребца. Резеда назвала его Сухарь и никогда с ним не расставалась. Всю молодость свою и даже беременность провела она на коне. И детей своих: дочь Амину, а потом и сына Мунира – каждого в возрасте шести месяцев усадила верхом. Мать Резеды, Суфия, ругалась, грозились продать коня, во что бы то ни стало хотела посадить дочь

за швейную машинку:

– Если не нужно на жизнь зарабатывать – это такое удовольствие! Для детей своих шить будешь, для себя, для мужа. И носить приятней – своими руками сделано! А экономии сколько – ты посмотри, какие цены!

– Мама, я этого не люблю, но научусь ради тебя.

Девушка мгновенно освоила шитье, и выходило у нее аккуратно. Но стоило машинке забарахлить, ниткам спутаться, Резеда бросала шитье и седлала коня.

Однажды Сухарь легкой трусцой шел вдоль трассы, а у обочины стояла «газель» Ирека – будущего мужа Резеды. Ирек копался в открытом капоте. Резеда захотела помочь, тихо подвела коня, а он почему-то ткнулся мордой в зеленые шорты. Ирек резко выпрямился, ударился макушкой о крышку капота, быстро обернулся, громко выматерился в конскую морду, и только когда Резеда засмеялась, Ирек поднял голову и увидел ее. Девушка спешила:

«Ах, простите!» Изо всех сил стараясь не смеяться, она отвела коня чуть в сторону.

– Ходят тут лошади... – пробубнил Ирек, потирая одновременно и зад, и затылок.

И Резеда, не в силах больше сдерживаться, повалилась на траву, и хохотала в небо, и колотила ногами землю. А Ирек отошел от своей «газели», встал у Резеды над головой и смотрел на девушку до тех пор, пока она не успокоилась.

– Отсмеяла весь живот, – выдохнула она.

– А у меня шишка, – сказал Ирек, щупая голову. – И сердце чуть не выскочило. – Ирек подал Резеде руку и помог встать.

Они оказались одного роста, а позже выяснилось, что и родились в один день и в один год. Когда обоим исполнилось по двадцать лет, они поженились.

Резеда переехала к мужу в соседний поселок, поближе к городу. Коня оставила сначала у родителей, но долго без него не выдержала и забрала к себе. Суфия переживала, что дочь не сможет быть женой – слишком она своенравна. Когда Резеда с Иреком приезжали в гости, теща любила посекретничать с зятем, заранее занимая виноватую позицию: «Ну да, такая уж она, как ее отец. Но ты с ней построже, ладно?» А потом просила дочь помочь ей справиться с шитьем, и пока они, разложив на полу материал, ползали по нему с большими ножницами и мелом, Суфия ворчала:

– Продам я твою лошадь, посажу тебя за швейную машинку и запру!

– Почему надо делать то, что не нравится?

– Потому что это жизнь! Не все тебе на коне скакать! Шитье помогает воспитать характер. Терпеливей станешь.

– Между прочим, Ирек меня за это и полюбил. За мою несдержанность.

– Сама расшибешься, детей угробишь!

– Амина с Муниром уже без седла скажут! А девочкам особенно полезно – внутренние органы правильно форми-

руются.

В комнату вошел отец, но Суфия громко отослала его:
– Шамиль! Выйди-ка отсюда! Мы разговариваем.

...Мать Суфии давным-давно разделила дом на две половины – мужскую и женскую. Так и повелось: сын Марат чаще был с отцом, дочь со своим конем, Суфия за швейной машинкой. Мужики проводили время вместе, а женщины сами по себе. Каждая женщина этого дома по какой-то непонятной традиции была глубоко одиноким человеком, и почему-то это считалось нормальным. И только швейная машинка, которой Суфия могла «зашить» грусть, машинка, с которой швея могла успокоиться, не спеша подумать или забыться, чисто механически выполняя свою работу, всегда была при ней.

Однажды Суфия закалывала английскими булавками костюм на манекене. И вдруг увидела свои руки. Сухие, старые, с маленькими коричневыми островками.

«Бог мой, сколько всего я нашила! – подумала Суфия. – Кто только не носил мою одежду! Я сто лет отсюда носа не высывала!»

В комнату вошел ее муж. Суфия растерянно оглянулась, уставилась на его штаны и продолжила уже вслух:

– Три года назад я тебе их сшила, – она вдруг метнулась к мужу, упала на колени, схватила его за штаны. – А потом они вытянулись, или это ты от старости уменьшился, и мне укорачивать пришлось.

Суфия затихла на мгновение и бросилась к окошку:

– Гляди! Занавески наши! Столько лет висят! Еще мать мою помнят! И тоже – я! – Она задернула шторы и снова открыла. Задернула и снова открыла.

– И скатерть – я!

– И покрывало – я! – рванула его. – И постельное белье – я!

Схватила себя за грудь:

– И халат тоже я...

Суфия отчаянно озиралась в комнате, будто впервые здесь была.

– Здесь все – я! – с ужасом прошептала она. – А ты? – снова бросилась к мужу и впервые за много лет жадно поглядела в его серые глаза.

Старики доживали в большом деревянном доме, и было в нем слишком просторно для двоих. В некоторые комнаты давно не входили. В них было прибрано, кровати с пышными перинами заправлены так тщательно, что о край можно порезаться, подушки друг на дружке, празднично покрытые накидушкой, похожей на невестину фату. Очень редко Суфия заходила в эти комнаты стереть пыль. Им с мужем хватало двух кроватей, которые раньше были одной большой, где супруги бесшумно любили друг друга и спали до очень раннего утра. Уже никто и не вспомнит, когда между кроватями встала тумбочка с круглой вязаной салфеткой и вазой с пластмассовыми цветами.

Скотины давно не держали, но Суфия вставала по привычке рано. Заняться было нечем – в едь даже на завтрак они ели то, что осталось от вчерашнего ужина. Рано утром Суфия садилась за швейную машинку. Тишину дома нарушала скачущая игла. «Тых-тых-тых-тых...» Суфия шила в воздух, в никуда, чтоб хоть чем-то себя занять, потому что никто ничего не заказывал. Не так давно их сын Марат глупо угорел в бане. После смерти сына Суфия целыми днями глядела в окно. А клиентки одна за другой разбредились от нее. Резеда временно поселилась в родительском доме и «вытащила» свою мать.

Но как только Суфия заставила себя жить, «умер» ее муж. Он будто только теперь осознал, что нет у него больше сына. И никогда уж не будет. Старик не сидел у окна, как его жена. Он ел, спал и бродил по поселку. Внешне Шамиль не изменился, даже не исхудал с горя и не спился. Ему полюбился запах краски, и он часто красил ворота, забор, оконные наличники в разные цвета. У Суфии голова болела от этого запаха, но она не запрещала Шамилю снова и снова покрывать их дом новым слоем краски. Жена хотела добиться от мужа хоть слова. Пыталась даже вывести его из себя. Раньше за такое получила бы оплеуху, но теперь муж будто и не слышал ее. Они ложились каждый на свою кровать. Долго лежали в темноте, ни тот, ни другой уснуть не мог. И так тихо было у них, так тихо и темно, как никогда в жизни. Среди этого жуткого ложного покоя раздавался отчаянный мужской выдох: «Эх, улым, улым!» Суфия сжималась вся, одеялом рот себе затыкала, чтобы не завывать в голос.

От сына остался очень похожий на него внук, теперь уже студент, и бывал он у бабушки с дедушкой на каникулах. Суфия радовалась его приезду, суежилась, затевала пироги и в день отъезда одаривала внука подарками: с пенсии она ежемесячно откладывала денег, осторожно выясняла у снохи, о чем внук мечтает, и шустренько приобретала. Внук возвращался от бабушки с дедушкой то с хоккейной клюшкой, то с часами... Суфия больше любила в нем сына, но не решалась подойти ко взрослому парню со своими старческими ласка-

ми. Она лишь украдкой смотрела на него из кухни, когда он ел в большой комнате за столом. А когда спал, звездой раскинувшись на постели, бабушка укрывала его, но ноги все равно торчали. Суфия думала: «Это же единственный, кто от сына остался.

И голос у него такой же, и походка. И ест так же. И пьет большими глотками холодное молоко. А чай любит горячий-горячий, чтоб кипятком. Долго размешивает в нем сахар, вынимает ложку и смотрит, как успокаивается водная воронка...»

Вместе ходили они на кладбище, к его отцу и ее сыну. Шли, весело разговаривая, и на кладбище не плакали. Дед плелся за ними молча.

– Ах, и он помрет, – шептала Суфия внуку. – А может, я сначала. А он тогда на кого останется? Кто с ним жить будет? Он сам себе даже обед не сварит.

– Не помрешь! – весело говорил внук. – Ты еще дольше всех жить будешь!

Резеда забрала потрепанный блокнот матери и обзвонила ее старых клиенток: «Выручайте, пропадет мама». Мир не без добрых людей, и многие откликнулись. Суфия снова почувствовала, что нужна людям. Так уж случилось, что прожила она, маленькая татарочка, свою большую жизнь в одном и том же доме, за пошивочным столом. С единственным своим мужем. «Уж лучше бы запил – как любой нормальный

мужик, я бы тогда знала, что с ним делать», – думала Суфия.
– Здра-а-асьте! – слышалось с веранды. – Есть кто дома?

В комнату вошла Венера. Она работала медсестрой в районной больнице. С утра до утра ставила клизмы. Из самых дальних деревень приезжали люди на операцию, и накануне Венера «чистила» их. Входила в клизменную, вешала кружки Эсмарха на металлические стойки. «Двое мужчин или две женщины, заходите! – командовала она, пациенты переглядывались, не решаясь войти. – Не робейте! Я избавляю вас от всего плохого!»

Так она работала несколько лет. После медицинского училища вернулась в поселок и устроилась на практику. Принимала кровь на анализы, определяла группу, потом работала в процедурном кабинете. С годами зрение ухудшилось, деления на ампулах не различались, лекарственный состав не читался, в вену могла попасть только на ощупь. И, чтобы не терять медицинский стаж, Венере пришлось ставить клизмы. После лаборатории, после почти ювелирной работы ее нынешние обязанности казались ей поначалу грубыми. А потом она привыкла.

Резеда и Венера учились в одном классе и дружили. Когда им было лет по тринадцать, Резеда резко превратилась в длинноногую, длинноволосую девушку. Но лицо ее напоминало лунный ландшафт – ни единого живого места на нем не было. А круглолицая и всегда немного пышная Венера была,

напротив, прозрачно-белокожей, без единого угря. Но к тринадцати годам, когда начались у девочки женские дела, она сделалась еще пухлее, и за это ее прозвали Ватрушкой. Прошло еще несколько лет – девочки дружили. Когда и вторая подруга стала девушкой, с лица ее исчезли бордовые бугры. Если на Резеду приятно было смотреть, то Венеру хотелось потрогать – такая ли она мягкая, как кажется? И прозвище Ватрушка закрепилось за ней на всю жизнь.

Теперь Ватрушке было далеко за тридцать. Она оставила пышную косую челку, закрывающую половину лба, как было модно в девяностые.

Венера достала из пакета ткань и приложила к себе:

– Айгуль замуж выходит. Третий раз уже. Три года назад, помните, платье шили? Она же с тем мужем развелась, сейчас вот еще одного дурачка нашла. – Венера звонко рассмеялась. – А мне что? Я – близкая подруга.

Я и на четвертую свадьбу к ней пойду, и на пятую, Алла бирса!»

– Дай-то бог.

– Только вот незадача – каждый раз надо новое платье: гости ж все одни и те же. Со стороны невесты!

Суфия достала швейный метр и сняла мерки.

– Только мне... – зашептала Венера, – нужно особенное платье, на этот раз она богатого нашла, и гости у него, стало быть, тоже не бедные! Я все магазины в городе оббегала – ничего подходящего нет. И про вас вспомнила.

– Лишь бы не сорвалось только.

Венера нахмурилась и вопросительно посмотрела на Суфию.

– Жених богатый – выходит, не дурак. А Айгулька наша не слишком умная, – пояснила швея.

– Дурак-дурак! Раз женится на ней! – засмеялась Венера. – А Айгуль – да. Я уж сама молюсь – только б не отчебучила чего до свадьбы, у меня столько планов на нее! Свадьба пройдет – так пожалуйста! Пусть хоть на следующий день разводятся. Ну! – выдохнула она. – Побегу я. Вы не спешите особо – свадьба зимой только. Это я так – сани летом готовлю! Забыла сказать, – закричала она уже с веранды. – Айгуль велела и вас с Шамиль-абы позвать – она, *Алла бирса*, весь наш поселок собрать хочет, чтоб с ее стороны тоже толпа пришла. А Резеде я сама скажу. Как раз завтра к ним поеду!

В доме вновь стихло. Шамиль с утра еще ушел бродить. Совсем недавно Суфия изводилась ожиданием, боялась, что он что-то с собой сделает. Но теперь клиентки и шитье отвлекали ее от мрачных мыслей.

– Суфия! – послышался истошный вопль, и в окне появилась голова хромой соседки бабы Вали. – Там Шамиль... на путях... недалеко от станции.

Шамиль лежал на шпалах, положив голову на рельсу. Иногда он открывал глаза, чтоб удержать слезу, и будто из-под воды глядел в голубое летнее небо. Старик не смог ни

утопиться, ни повеситься. Никто не знал, а ведь он попробовал. Даже уже отыскал прочную балку в сарае. Но каждый раз ему не хватало смелости, и он пуще прежнего презирал себя. После очередной попытки уйти из жизни Шамиль коротко рыдал, широко вытирался рукавом и долго сидел потом, размышляя над тем, как же первой его жене удалось так легко умереть?

Давным-давно Шамиль жил в городе. У них была огромная комната с высокими потолками в большом трехэтажном доме, который раньше принадлежал какому-то купцу. Через дорогу – дом другого купца – хлебного магната. Когда Шамиль распахивал окно, всем сердцем чувствовал, как по улице плывет хлебный запах. Наверное, купцы, которые жили в этих особняках до революции, дружили семьями. Пекарня по-прежнему выпекала хлеб, а особняк превратили в художественное училище, куда и поступил рыжий парень Шамиль после школы.

Он влюбился в свою первую жену, когда она пришла позировать. На нее набросили легкие струящиеся ткани, усадили на краешек стула, и она четыре часа глядела в окно. Студенты подробно прорисовывали складки материала, а Шамилю хотелось написать ее лицо. Потом натурщица и художник отправились гулять.

Их любимым местом стал речной порт. Когда с Волги поднимался ветер, Шамиль отдавал девушке свой плащ и пони-

мал, что хочет согреть ее всю жизнь. Беречь от всего. И писать ее.

Она была тихая и необыкновенно красивая. Еще и невероятно скромная, всегда всем довольная девушка. Четыре класса образования. Многодетная семья, она то ли седьмая, то ли девятая – самая младшая. Шла в этот мир из матери вперед ногами. Мать умерла, она выжила. Старшие сестры презирали ее за это. Братья и отец постоянно на нее натыкались, как на старье, которое вечно мешается под ногами.

Ее часто посылали в город на рынок. Помимо прочего, она должна была привезти в деревню керосин для ламп. Дрожащими руками обвязывала она бутыль керосина тряпками: не дай бог в поезде учуют запах – ссадят сразу же. Много раз ей удавалось перевезти керосин. Но однажды он все же разлился, и девушку вышвырнули из поезда контролеры.

Она вернулась в город. Бродила там. Набрела на запах еды. Ее взяли на кухню помощницей. Дали койко-место в общежитии. И как-то раз один из студентов позвал ее позировать.

...Теперь Шамиль не помнил ее лица, которое так и не состарилось. Шамиль ни разу не написал портрет своей жены. Он до дрожи влюблен был, кисть держать не мог. Всякий раз волновался – придет ли девушка к нему на свидание? И однажды она не пришла. Шамиль просидел у памятника Ленину всю ночь. Написал письмо, в котором наконец признался в любви, и, смущаясь, передал его через вахтершу в

общезнание. Через три дня возлюбленная явилась к Шамилю в белом платье. И они поженились. После ЗАГСа поехали в речной порт, сели на ракету и поплыли. Ветер сносил их с палубы, они смеялись, а длинная фата невесты развевалась над Волгой, пока не взмыла в небо, будто огромная белая птица счастья.

Вскоре коммуналку расселили. Семье Шамиля досталась квартира на девятом этаже панельной новостройки. Там же у них родился сын Марат. Как-то раз Шамиль и его первая жена решили пойти купить коляску. Отец взял на руки своего грудного сына. Жена сказала ему: «Вы пока выходите, а я сейчас...»

С сыном на руках стоял Шамиль возле подъезда. К ним подошла юная девушка:

– Это дом двадцать четыре? – спросила она.

Шамиль кивнул. И вдруг будто какой-то огромный людоед срыгнул остатки своего обеда. Шамиль обернулся и увидел свою жену. Она приземлилась на спину, изо рта вытекала кровь. Жена моргнула пару раз и застыла. А ребенок заплакал, и Шамиль его чуть не выронил. Девушка, что случайно оказалась рядом, скорее взяла мальчика на руки.

Так она и осталась с ними. Сначала жили на девятом этаже. Потом мать семейства увезла их к себе в поселок. Родителям, конечно, правду сказала. А вот соседи и прочие думали, что поехала девочка учиться на швею, а вместо диплома привезла дитя.

Суфия бежала по овражистому поселку к станции, встревоженно глядя перед собой. Баба Валя, что видела старика на путях, опираясь на свою палку, ковыляла следом. Когда хаотично разбросанные дома остались позади, Суфия остановилась возле старого колодца. Схватила одной рукой за ведро, другой за сердце. Тяжело задышала вверх, к солнцу: «Господи-боже! Спаси старика! Не знает он... что творит! Дай мне... успеть! Я его... вытащу, заставлю жить! Не допусти, чтобы поезд по нему проехал!» – и она побежала под гору, уже быстрее и легче. Вниз, на станцию, где пахло мазутом, где трескучий голос объявлял редкие электрички в сторону города и где скапливались и бродили от цеха к цеху пузатые товарняки жиркомбината.

– Там он, у склада! – выхрипнула баба Валя, глядя вслед бегущей Суфии.

«Господи, дай успеть, спаси старика!» – просила швея и, увидев мужа, крикнула:

– А ну вставай, живо! Ты чего выдумал-то, а?! – Суфия подбежала и бросилась Шамилю на шею: – Я прошу тебя, вернемся домой. Сейчас товарняк пустят! Хороший мой! Прошу тебя, уйдем!

Суфии удалось приподнять Шамиля.

– Вот так, вот так...

– Я... Не хочу жить.

– Как же я без тебя останусь? Как же наша Резеда? А вну-

ки наши?

Суфия повела мужа домой. Дорогой они молчали, Суфия чуть всхлипывала. Она представила, что могла не успеть, и случилась бы трагедия: по путям, где только что лежал Шамиль, тяжело брел товарный состав.

– И не стыдно тебе! – брякнула за их спинами баба Валя. – И так помрешь, чай, недолго осталось!

Суфия обернулась и шикнула на нее.

– А чего молчать?! Слабаки, а не мужики! Ведь не вчера это случилось. Ты на жену свою глянь, на жену! Уж и она живет – ничего не поделаешь. И тебе пора бы. Эй, а куда это вы? – Баба Валя остановилась, глядя в спины старикам. Не пошла за ними, потому что Суфия повела Шамиля длинной дорогой.

Дома жена уложила мужа на диван. Задернула штору, чтобы солнце не слепило ему глаза. Взяла за руку.

– Тебе хорошо... – сказал он. – Твоя-то дочь жива!

Суфии показалось, что в самое сердце воткнули огромную иглу. Женщина уронила лицо в ладони, сжалась вся и заплакала. Шамиль сел и впервые за долгое время взял жену за плечи.

– Прости меня, – тихо сказал он. – Я видел его мать во сне. Перед тем, как Марат наш... Столько лет не снилась! Столько лет! Забрала, стало быть. Лучше бы уж меня... ты вырастила нашего сына, меня спасла. А ведь просто мимо проходила тогда! – Шамиль прижал к груди голову жены. –

Как же ты выдержала со мной?! Откуда у тебя силы?!

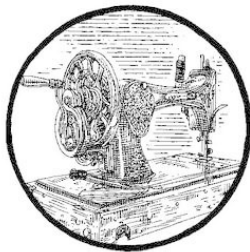
А ей вспомнилась далекая молодость, когда она, учащаяся профтехучилища, шла домой к своей первой клиентке, чтобы шить ей свадебное платье. Суфия несла в сумке двадцать метров широкого белого банта, думая, что, если пришить их друг к дружке, получится нарядная верхняя юбка. А еще из банта можно смастерить цветы и украсить платье. Но Суфия так и не дошла до невесты, потому что по пути к ней неожиданно стала матерью и женой. Родители Суфии надолго уехали к родственникам, оставив дочь наедине с ее странным выбором. Шамиль и теперь не понимал, почему его первая жена покончила с собой. Всю жизнь мучился, пытаясь найти ответ...

– Ведь ты совсем не любил меня, – сказала вдруг Суфия, и Шамиль ничуть не шелохнулся. – Когда Марату год исполнился, мне так захотелось, чтобы вас не было! Я думала: Боже, за что же мне это?! Ведь я все делаю, а ты и не глядишь на меня. Ладно на меня – н а сына не глядишь! И куда, думаю, они денутся? Я ж их на улицу не выгоню. И решила сама уйти. Из своего же дома. Сбежать от вас. И даже вещи не собирать. Но вдруг! Рука твоя на плечо! Откуда ты взялся? Тебя ж дома не было, ты будто почувствовал, что я уйти хочу. И появился. Обнял меня крепко-крепко! Вот как теперь. И как начал целовать! Целуешь всю и плачешь. И мы любили друг друга! Вот здесь, на этом диване. Целуешь меня, а сам рассказываешь, как жена твоя умерла и как ты ее любишь.

Слезы твои мне на лицо капают. Любим друг друга и плачем. И слезы наши, и горе наше – все перемешалось. Души наши перемешались. Мы оба... переплелись тогда!..

Суфия и Шамиль сблизились. Зажили, как два престарелых голубя, целые дни проводили вместе, наворковать не могли. Обиды, которые годами копились в сердце Суфии, исчезли, и было легко, будто она простила все человечество. Но старушка испытывала чувство вины перед мужем за то, что смогла оправиться от смерти сына. Хоть и всей душой прочувствовала боль осиротевшей матери.

Шамиль спустил с чердака старый мольберт и пытался писать картины. Суфия шила. Кровати сдвинули и спали теперь вместе. Шамиль засыпал первым. Храп мужа Суфию баюкал. Лежа у него на груди, она благодарила Бога за этот внезапный внутренний покой, который наконец настал в их доме.

– Мама! Ты гляди! Я на семь килограммов похудела! За две недели! – радостно сообщила Резеда. – Или у вас весы неправильные? Я уж и не надеялась после второго ребенка в себя прийти!

Ее муж Ирек взял треугольник, который испекла теща, отломил уголки и с удовольствием откусил:

– Ты мне пухленькая больше нравилась, – сказал он. – Садись и ешь!

– Что ты! Я в джинсы свои, которые еще до беременности носила, влезаю! Вот уж не думала, что снова буду стройной! Не собираюсь заедать свою фигуру! – Резеда подскочила к мужу, обняла его со спины, звонко поцеловала в самое ухо, отчего Ирек подскочил и шлепнул свою жену как разбаловавшегося ребенка.

– Обожаю тебя злить! – засмеялась Резеда и съела уголки, которые оставил Ирек.

В раннем детстве у Ирека вскочил на глазу ячмень. Бабушка велела внуку в чем-нибудь поклясться: «Никогда не буду есть чернослив» или «Никогда не буду есть облепиху». Маленький Ирек долго выбирал то, что он точно никогда ни за что не попробует. И вроде уже готов был поклясться, но в последний момент задумался: «А вдруг мне сильно-сильно захочется?»

А ячмень не проходил. Тогда бабушка вытащила из духовки сковородку с треугольниками и предложила:

«Давай, скажи, что никогда не будешь есть уголки от очпочмаков». Мальчик обрадовался, поклялся. И бабушка дала ему горячий треугольник с картошкой и гусиным мясом. Ирек впервые отломил уголки. Они остались лежать на тарелке, как сошедший с глаза ячмень, который, кстати, и правда сошел вскоре после клятвы.

С тех пор Ирек не ел уголки очпочмаков. И ему понравилось изобретать свои собственные заповеди и соблюдать их. Он не брился по средам и четвергам, считая эти дни наиболее тяжелыми, и к пятнице делался колючим. Он всегда доедал яблоко подчистую, ни огрызка, ни зернышка не оставляя, потому что яблоко должно полностью исчезнуть в человеке. Никогда не изменял жене. Даже не помышлял об этом. Верность была у него в крови. Резеда это чувствовала и радовалась, что именно ее Ирек выбрал для жизни. Пуще прежнего восхищалась Сухарем, который привел свою хозяйку к счастью.

– Мама! Давай сошьем мне какое-нибудь красивое платье, чтоб на свадьбу к Айгуль пойти!

– Ты же говорила, что в магазинах можно все купить? – поддела ее Суфия.

– Мамочка, у меня терпения не хватит. Я бы и сама сшила, но, честно говоря, зрение портится, слабость... Простуда, должно быть...

– Запасные колготки в пакете. Трусики с майкой там же. И велели сдать шестьдесят рублей на порошки, – говорила Амина, надевая брату перчатки. – Пап, ты слышишь?

Ирек съежился от осеннего ветра так, что исчезла шея. Он присел на корточки рядом с детьми и попытался заглянуть дочери в глаза.

– Ты тетрадь по математике не забыла?

– Мунир, если опять нажалуются на тебя, что ты не ешь, я тебе задам. Мульттики смотреть запрещаю, – сказала Амина, поправляя отцу шарф.

– А мне папа разрешит!

– Ты сможешь забрать его? У меня сегодня семь уроков. И надо к контрольной готовиться. Поэтому – будь добр.

И Амина быстрым шагом направилась в школу. Ирек рассеянно посмотрел ей вслед.

Каждое утро Суфия стерилизовала литровую банку, наливала в нее легкий бульон, закрывала капроновой крышкой и кутала в теплые тряпки. Но в дороге бульон все равно остывал, и приходилось подогревать в больнице кипятильником, хоть это и запрещено. Как и включать фен. Единственное, что можно, – заряжать телефон. Но женщины только и жили тем, что нельзя. Мыли и сушили последние свои волосы, смотрелись в карманные зеркала, мазались кремами и щебетали о пустяках: Резеда и еще три женщины в двадца-

тиметровой палате доживали свою женскую жизнь, мучаясь страшными болями, но изо всех сил стараясь быть красивыми. У женщин были дети и мужья. Была и беременная. Врачи долго не могли решить, что делать: оставить ребенка без матери или мать без ребенка? Решили мать без ребенка оставить – зачем он ей, ведь она все равно скоро умрет. И сунули на подпись какую-то бумажку. А беременная не решалась подписать. Так и лежала бумажка в тумбочке. Врачи ругались и торопили женщину. Говорили, что, если подпишет, еще года три проживет.

Ирек целыми днями развозил фрукты по торговым точкам. Вечером что есть сил мчался в свой поселок и выпивал с кем-нибудь. Домой приходил под утро. Старался не шуметь, но всегда натыкался на что-то, и Амина просыпалась. Разогревала еду, ставила перед отцом тарелку. Ирек съедал и засыпал за столом...

Снилась ему беременная Резеда, которая плакала на кухне над подгоревшей гречкой: «Родится шалопай. Где он будет бегать? А другие наши дети? Дочь и сын – это только начало! В шестнадцать лет мне нагадали близнецов!» Ирек любовался своей женой и соображал, где достать не очень дорогой сруб, чтобы создать не просто детскую, а иной мир. Настоящий деревенский дом с печкой и длинной, от потолка до пола, колыбелью. С деревянным конем-качалкой, с разноцветными дорожками-половиками и вышитой, нанизанной на веревку занавеской. Жена говорила мужу, чтобы управил-

ся он со стройкой до рождения первенца, но, не дождавшись даже фундамента, наняла рабочих, которых Ирек разогнал. Тогда Резеда впервые ушла от мужа. А он на завтра привел жену обратно, усадил на диван и сказал: «Я привык все делать сам. У нас будет просторный дом для наших детей. Шей для них пеленки, целуйся со своим конем. А стройкой буду заниматься я. Ты все поняла?»

...Громко заржал в деннике конь. Ирек мгновенно проснулся, вывел Сухаря в поле, привязал там, а сам поехал в больницу к своей жене.

– В шестнадцать лет мне нагадали близнецов... Если бы они у нас родились, я бы назвала их как нас с тобой.

– У нас все впереди. – Ирек пытался согреть холодные ступни жены в своих руках, а Резеда лежала, глядя в жужжащую лампу.

Неожиданно женщина села и закачалась на пружинах кровати. Ладонями укрыла щеки мужа:

– Ты небритый. Сегодня четверг? Или уже пятница?

Ирек поцеловал середину ладошки и прикрыл глаза в знак согласия.

– Я подержусь за тебя. А когда ты уйдешь, мои руки будут пахнуть твоими щеками. – Резеда приложила руки к носу: – Иди домой. Тебе не место в больнице.

– И тебе не место. Скоро я заберу тебя. – Ирек трезвел и верил, что это просто простуда какая-то, от которой выпада-

ют волосы и худеет человек.

– Да все будет хорошо! После химии я выпишусь. И волосы отрастут. Ты же знаешь – не мое это... валяться.

– А у нас тут у всех – затянувшиеся критические дни! – донеслось с самой дальней койки. Эта женщина уже не вставала, но ежедневно делала макияж. Даже есть не могла, а разговаривала больше всех. – Вы уж простите, что я вмешиваюсь. Пока я говорю, я чувствую, что живу. А замолчу – сразу – вжик! И уже там.

Она вытянула костлявый указательный палец вверх:

– Лежим, целыми днями в потолок плюем! Санаторий! Когда Ирек пришел в следующий раз, ее уже не было. И ему стало по-настоящему страшно. Суфия перестилала дочери белье. А Шамиль упрашивал врача дать им машину «скорой помощи», чтобы перевезти Резеду домой. Отец верил, что дома его девочке станет лучше. Ведь она родилась и выросла там. Оттуда и замуж вышла. Дома все обжито и обшито ее матерью: скатерти, занавески, одежда, постель. Постукивает машинка, тихо работает телевизор. В духовке что-то печется. Сам Шамиль дважды вернулся к жизни и к живописи в их доме. И Резеда вернется к жизни непременно!

Врач вздохнул и сказал, что даст машину в виде исключения. Шамиль остановился у дверей палаты: дети сидели в уголке, Мунир жался к сестре и во все глаза смотрел на мать, а Резеда не смогла уже улыбнуться ему и не надела парик. Мальчик окончательно поверил, что это злая баба-яга, кото-

рая притворяется его матерью, а его настоящая теплая мама где-то в темнице, в пещере, подвале! Ее надо найти, спасти, но все почему-то здесь.

– Мама, не обижайся, но Мунира мы больше к тебе не привезем, – сказала Амина.

Резеду хоронили поздней осенью во время дождя. Долго переживали, но он так и не кончился. Природа плакала вместе с Суфией и Шамилем. Дождь приколачивал опавшие листья к земле. Огромное кладбище в одном-единственном месте пестрело разноцветными зонтами, один из которых был ближе к земле, и две пары детских ног в резиновых сапогах виднелись из-под него. Местный мулла Мидхат читал молитву, держа руки перед собой, а Шамиль держал над муллой зонт.

Засунув руки в карман плаща, у края могилы стоял Ирек. Люди то и дело пытались затащить его под зонт, и вдовец отошел от толпы. Едва осознавая горе, он брел по кладбищу. Надгробные камни потемнели от воды, а пригорки поплыли. Вдруг Ирека толкнуло в спину что-то мягкое. Мужчина не испугался, он лишь удивился, что конь смог отжаться... а может, это Ирек забыл его привязать... И повел Сухаря вглубь кладбища, туда, где оно превращалось в поле. «Как много здесь места», – подумал Ирек и вдруг заметил, что из огромных глаз Сухаря текут слезы. Ирек замер перед конем своей жены. Крупные конские слезы, в которых больше смысла, больше горя... И коню, верно, большее, чем человеку. Ирек понял, почему Резеда была так привязана к Сухарю. Любила и каждую минуту стремилась быть с ним.

Не понимала, почему для других ее конь – всего лишь животное.

Быть может, и слез не было, а просто капли дождя катились по конской морде. Но ведь конь приобрел проститься с близким человеком! Ирек обнял Сухаря за шею и осознал, насколько одинок теперь. Ему сразу стало холодно от мокрой одежды и пустого желудка. Ирек целовал жесткую конскую гриву: она была совсем такая, как волосы Резеды. Он обожал ее волосы. Особенно когда с них стекала вода. И баня была излюбленным местом супругов. Они подолгу мылись там. Выходили чистые и счастливые, будто не в браке жили, а только что влюбились друг в друга. А на следующий день ругались из-за пустяка, Резеда вспыхивала, хватала детей и уходила от мужа «навсегда». В соседний дом или к родителям. Через пару дней Ирек забирал назад свое семейство. И снова топили баню...

Ирек пытался понять, почему все вдруг кончилось? Что же плохого он сделал? Чем заслужил? Теперь он будет отбывать свой срок на земле, пока не состарится его тело. Дети не радовали. Ирек почти не замечал их. Он тонул в своей горе, а Амина старалась сохранить остаток их семьи: стирала, готовила, убирала, уроки учила редко. Учителя девочку жалели и первое время вовсе не трогали. Но вскоре начали потихоньку вызывать к доске.

– Зато дома все сытые, – говорила Амина отцу, который вяло поругивал ее за двойку. – Ты давай Мунира искупай,

прокрути мясо, достирай белье, которое я вчера еще замочила. А я уроки буду учить!

Вчерашнее похмелье еще не отпустило голову, и Ирек только и смог пробубнить седьмой параграф из учебника истории средних веков, пока Амина крутила мясорубку и лепила котлеты. Она пожарила четыре штуки, остальные положила в морозильник.

– Все. Историю выучили. Теперь я буду белье гладить, а ты мне много раз стихотворение читай.

Ирек уснул с учебником литературы, Амина укрыла отца пледом, под голову подложила колючего медведя без глаза. У медведя впадина была на брюхе: Ирек любил лежать на игрушке, когда смотрел телевизор.

Амина уложила Мунира, погладила школьную форму, отцовские футболки, завела будильник и легла в свою постель. Засыпала девочка мгновенно. И мама не снилась ей.

Под Новый год в школе устроили бал – вечером собрали все классы в актовом зале. Сначала водили хороводы вместе со Снегурочкой, потом три раза громко и дружно позвали Деда Мороза. И когда он торжественно прошел по залу, когда начал играть в «заморожу», Амина наконец почувствовала себя девочкой без мамы; она едва ли помнила, что есть у нее братишка и отец, которые только ростом друг от друга и отличаются. Девочка вытягивала руки вперед и, когда Дед Мороз приближался, прятала их за спину. Потом ее взяли за

руки и повели против часовой стрелки по кругу.

*Зимой и летом стройная,
Зеленая была...*

Дед Мороз и Снегурочка прохаживались возле елочки и тоже пели:

*Теперь она нарядная
На праздник к нам пришла
И много-много радостей
Детишкам принесла.*

Хоровод учеников остановился. Дети допевали последний куплет и хлопали в ладоши. А Амина вдруг расплакалась. Как взрослая. Слезы выкатывались из распахнутых глаз. Это заметил Дед Мороз.

– А почему девочка у нас плачет? Кто тебя обидел? – Он вывел ее к елочке, усадил к себе на колени. – Ты приготовила для меня стихотворение?

И Амина, запинаясь и перебарывая все больше подступающие к горлу рыдания, стала рассказывать:

*Мама спит, она устала,
Ну и я играть не стала.
Я волчка не заводжу,
А уселась и сижу...
Не шумят мои игрушки,*

*Тихо в комнате пустой...
А по маминой подушке
Луч крадется золотой...*

Дед Мороз вручил ей красочную картонную коробку в форме домика. Амина схватила ее и выбежала вон.

Девочка бежала, прижимая к себе подарок. Рюкзак прыгал на спине, из-под шапки выбились волосы, ветер задувал в шею колючий снег. Руки ооченели. Амина рухнула в сугроб и громко расплакалась. Она ведь о маме еще не плакала ни разу: не нашла минутку, чтобы хоть прослезиться. И девочке показалось даже, что мама на нее обижается. Вскоре девочка успокоилась и решила, что останется здесь – пусть папа ищет ее. «Сильно замерзну, но домой не пойду», – решила она...

С заледенелым от слез лицом Амина брела по поселку, а когда свернула на свою улицу, увидела дом, который чернел тремя оконными квадратами. Девочка вбежала на кухню, включила свет, заглянула в комнату – никого. Сбросила ранец и помчалась в детский сад.

Воспитательница довела их с Муниром до дома.

– Спасибо, что проводили, – сказала Амина.

– А твой папа дома?

– Еще нет.

– А где же он?

Амина хотела закрыть ворота, но воспитательница вошла

во двор. Девочка немного растерялась:

– Наверное, Новый год на работе отмечает. Спасибо, что проводили...

Но воспитательница раскрыла дверь и сильно топала на крыльце, чтобы согнать с ног снег.

– У нас не прибрано, – сделала последнюю попытку Амина, но женщина уже вошла и стянула сапоги. Сунула ноги в тапки и по-хозяйски прошла в студёный сруб. Чёрным квадратом зияло окно. Под ногами подрагивали неровные доски. Гостя погладила округлые бревна стен.

– Всю жизнь мечтала жить в деревянном доме! – с казала воспитательница.

– Пока папа достроит, мы с Муниром вырастем.

– Ну! А может, братья-сестры у вас появятся? Кто знает, как жизнь повернется! – воспиталка сладко причмокнула и вошла в теплую кухню.

Мунир нехотя ковырял остывшие макароны, поглядывая на подарок Деда Мороза. Воспитательница пила чай, Амина чистила плиту.

– Я смотрю, ты хозяйюшка, – похвалила ее женщина. – А когда к нам в садик ходила, помнишь, даже посуду за собой не убирала!

– Апаем, я больше не хочу. Можно мне подарок взять? – спросил мальчик.

– Вообще-то мы часто с Муниром одни остаемся. И чтобы вас не задерживать...

– Я дождусь твоего отца, – отрезала гостья.

Амина хотела сказать: «Наверное, за вас волнуются», но вспомнила, что воспиталка живет одна. Девочка давно недолюбливала ее. Она общалась только со спокойными детьми. И даже если ребенок устраивал истерику, валялся на полу, стуча ногами, она не подходила к нему. Амине всегда казалось, что тетенька эта не любит детей.

– Что ж отца-то твоего нет? Может, он в гости к кому-то зашел? Ходит он к кому-нибудь в гости? Не знаешь?

На мгновение Амина застыла и медленно вышла из кухни. Забежала в детскую, захлопнула дверь и принялась ходить туда-сюда. Амина наконец поняла, что этой тете надо! На что она надеется! От гнева у девочки сузились зрачки. Она открыла дверь и крикнула:

– Мунир! Иди сюда! Быстро!

Мальчик запихнул конфетку в рот и выскочил из-за стола. Амина затащила брата в комнату и закрыла дверь.

– Так! – сказала она скорым шепотом. – Сейчас ты пойдешь обратно, сядешь опять за стол, а я буду мыть посуду. Ты спросишь: «А где киндер сюрприз?» – я скажу: «Я его сама съела», и ты устроишь истерику. Заплачешь – понял?! Будешь орать. И я буду на тебя кричать, чтоб ты успокоился, но ты ори еще громче!

Амина стянула с него жилетку, сняла рубашку и переодела брата в домашнюю одежду.

Через несколько минут они устроили спектакль. И без то-

го уставшая от детей тетушка решила-таки пойти домой. Пока обувалась, вернулся Ирек. Не замечая гостью, он принялся оправдываться перед дочерью:

– *Кызым...* в садике замок висит... мы Новый год отмечали. Ой, здрасьте! Кызым, поставь чай...

Но, к радости Амины, воспитательница поспешила уйти.

– Может, ты к ним переедешь? – Шамиль сидел за столом и давил клюкву в стакане.

Суфия лежала на высоких подушках.

– Тридцать восемь и четыре, – сказала она, покручивая градусник. – И что я, старуха, смогу им дать? А ты здесь один останешься?

Шамиль положил мед, размешал красно-коричневый кипяток и подал стакан жене.

– Давай тогда внуков к нам перевезем?

– А садик? Школа? Ведь далеко, кто их возить будет?

– Амину в здешнюю школу переведем. А Мунир... дома посидит, с нами. А там... может, и у нас садик откроют.

Суфия отхлебнула клюквенный чай и поморщилась:

– Не откроют. Для кого? Одни старики доживают.

– Надо забрать детей. Хотя бы на время. Пусть Ирек поймет, как ему плохо без них, – предложил Шамиль.

– Ничего он не поймет... Оставим Ирека одного – он совсем пропадет. – Суфия поставила стакан на стол. – Не могу эту кислятину пить, неси парацетамол.

Но Шамиль заставил жену допить, укутал одеялом, сверху накрыл шалью.

– Надо пропотеть, и температура спадет. Меня мать так лечила.

– И меня. – Суфия благодарными глазами смотрела на мужа. Его прохладные руки быстро потеплели от ее лба.

Это были редкие тихие минуты. Обычно в доме всегда находились люди, и казалось, будто он полон жизнью. Приходили не только женщины, желающие сшить платье или блузку. Приезжали руководители музыкальных коллективов со своими танцорами – заказывали сложные костюмы, и Суфия все успевала. В доме почти не осталось пустых стен – везде висели картины, которые написал Шамиль.

После смерти Резеды Суфия ни дня не была убитой горем матерью и не забросила свое шитье. Не понимала, почему у нее не опустились руки? И временами мучилась от этого, думая, что правильнее, естественнее было бы слечь и света белого не видеть. А старушка, напротив, вставала рано, набрасывала старенькое пальто и выходила во двор вдохнуть зимнего утра. Любое дуновение ветра мать принимала за дух своей дочери. И каждая птица, присевшая на ворота, или кошка, забредшая во двор, казались ей душой Резеды. Суфия непременно заговаривала с кошкой, подзывала к себе, брала на руки и рассказывала про Амину с Муниром.

– Ну ты и сама всех нас видишь, доченька, не так ли? – Женщина сыпала на крыльцо пшено. Тут же слетались голуби, воробьи и, наступая друг другу на голову, клевали желтые бусинки до последнего зернышка. Суфия думала, чем больше добрых дел она сделает на земле, тем лучше будет ее детям в небесном мире.

– Летите высоко, мои птички, передайте моей девочке, что все мы здоровы. И сыночку моему, и матери его...

Суфия почувствовала, как жар покидает ее, и телу становится неприятно от влажной, впитавшей пот одежды.

– Шамиль... Я вот лежу и думаю... что же мы с тобой такого сделали? За что нас так? Почти три месяца наша Резеда не дышит.

Ее муж выглянул из-за мольберта:

– Мы у нее так ни разу и не были.

– Там, наверное, не пройти.

Шамиль вновь скрылся за мольбертом:

– Весной сходим. Когда снег сойдет.

Голос Шамиля был одновременно и скрипучим, и каким-то поющим, ласкающим, и потеряннным, и полным надежды. Суфия глядела на деревянный, испачканный краской мольберт, и ей казалось, что это он с ней говорит.

– А что ты рисуешь? – спросила Суфия.

– Я пытаюсь вспомнить ее лицо. Я так и не написал ее портрета.

Суфия поняла, о ком он.

– И как? Вспоминается? – Голос Суфии резко состарился.

– С трудом, – ответил деревянный мольберт. – Не спрашивай, зачем мне это надо... Я знаю, мне легче станет, если я хоть примерно вспомню. Это она спасала меня, когда я не решался в последнюю минуту. И тогда, на рельсах, она снова спасла меня, я будто бы в небе ее лицо увидел...

– А мне казалось, это я за тобой прибежала.

Шамиль выглянул из-за мольберта:

– Не сердись. Я всю жизнь на тракторе провел и не писал картин.

– Тебе никто не запрещал, – глухо сказала Суфия.

С ней снова медленно заговорил мольберт:

– Я сам себе запрещал. Потому что живопись связана с ней. Я приучал себя к тебе и не хотел это спугнуть.

Суфия отвернулась к стене и лежала неподвижно.

– Ты питаешься моими слезами. Тебе хорошо, когда мне плохо.

Она медленно развернулась к мужу:

– Знаешь что? У нас потому и не жили дети! Потому что ты ни минуты не любил их мать!

Шамиль вскочил, задел мольберт, и тот грохнулся. Суфия вжалась в подушку и подтянула к носу одеяло. Но старик направился не к ней, а к швейной машинке. Схватил ее одной рукой и вдарил по маленькому деревянному столику. Столик ойкнул, Шамиль вдарил еще раз, столешница громко хрустнула. Затем машинка отлетела в угол.

– А я смотрю, ты ожил! – горьким голосом произнесла Суфия. – Как в старые добрые времена!

Шамиль посмотрел на жену волчьими глазами. Суфия уже приготовилась к пощечине, но старик взял со стула голубую, расшитую пайетками ткань и с треском разорвал на две половины. Суфия схватилась за обе щеки и завывала, как от уда-

ра. Шамиль выскочил из дома вон.

Женщина отвернулась, тихонько заплакала и уснула...

Проснулась от монотонного стука – Шамиль мастерил ей новую столешницу.

– Сейчас Ирек детей привезет, – хмуро сообщил он.

Суфия поднялась с постели:

– Ты сказал им, что я больна?

– Амине надо пиджак школьный перешить.

– А со старым-то что?

– Мал, говорит.

Суфия взглянула на старую столешницу, которая лежала возле ног Шамиля. Из трещины опасно торчали острые щепки. Шамиль поставил машинку на стол:

– Проверь, не сломалась ли. На вид вроде как раньше.

Суфия надела на Амину пиджак и залюбовалась ею, ведь внучка была так похожа на дочь! Теперь особенно: девочка тихо и верно превращалась в девушку.

– Тебе надо лифчик купить, – сказала Суфия. – Давай завтра съездим. Завтра суббота. Попросим отца, чтобы свозил нас в город.

Суфия лезвием распарывала шов. Амина сидела рядом и пришивала пуговицу на рубашку Мунира. Когда все было готово, она зубами оторвала нитку.

– Твоя мама не любила шить, а ты, я гляжу, любишь. Толь-

ко нитку лучше ножницами срезать. Или лезвием. Зачем зубы портить?

– Ты так говоришь, потому что у тебя их нет! – рассмеялась Амина.

Суфия и не думала обижаться. Она отложила пиджак, обняла свою внучку:

– Как тебе тяжело, моя девочка.

Амина не допускала жалости к себе. Она и учителей разлюбила, потому что все они глядели на нее как на сироту. А одинокие и вовсе старались подружиться, непременно попасть к ней домой, без конца писали записки Иреку: мол, дочь ваша плохо учится, приходите поговорить. А Амина даже про родительское собрание отцу не сказала: зачем, если он все равно забудет, не придет. Ирек за каждую записку журил Амину – и только. А она давно заметила, что папа – единственный из всех взрослых, кто не смотрит на нее с сочувствием. Все, что она делала, он принимал как должное. И Амина понимала, что маленькой быть просто нельзя, а на школьной елке – это минута слабости.

Амина высвободилась из бабушкиных объятий и вгляделась в ее лицо:

– А ты как мама. Только морщинок у нее не было. А у тебя – вон сколько. Раз, два, три. Даже не сосчитать! Они как ниточки. Много коротеньких ниточек.

Амина вдруг вытаращила глаза:

– И я такая буду?!

– Куда ж ты денешься!

– И очки буду носить, как ты? И... зубы вставные? – в ужасе прошептала девочка и вскочила. – Я лучше пойду картошки нажарю!

Через некоторое время громко и задорно зашипела картошка. Суфия подложила пиджак под лапку, опустила ее и принялась строчить. Колесо крутилось восьмеркой, и потому шилось нерадостно.

– Вся шея открыта! – Амина передела Мунира, развесила его мокрую одежду на батареях и быстро накрыла в большой комнате стол.

Ирек уселся первым и жадно набросился на еду.

– М-м! Как вкусно! – похвалил дед.

А Суфия добавила:

– А котлеты какие нежные! Ты что туда положила?

– Тертой картошки, – сказала Амина и тоже присела за стол. – Надо натереть картошку на мелкой терке и перемешать с фаршем. Вкусно, и мяса меньше расходуешь.

– Ирек, свози нас завтра в город, – попросила Суфия. – Амине надо кое-что купить. И машинку в ремонт сдать.

На веранде послышалась возня...

– Ночь на дворе, а у них ворота не заперты! – раздался бодрый женский голосок.

На пороге комнаты появилась Венера. На воротнике ее пальто лежал снег, челка грустно свисала, наполовину закрывая правый глаз.

– Суфия-апа! – выдохнула она. – Ой, простите... добрый вечер. Вы ужинаете? Приятного аппетита.

Но Суфия уже поднялась.

– Что такое? – спросила она, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Я платье порвала. Сейчас вот мерила, а оно – хрясь! Видать, я поправилась. Надо чуть-чуть в бедрах расширить, – застенчиво улыбаясь, Венера взглянула на Ирека, потом и на Шамиля.

– Оставляй, сделаю, – сказала швея.

Венера растерялась:

– Как оставляй? Надо сейчас! Свадьба-то завтра, Алла бирса! Вы что, забыли?!

За столом переглянулись. Венера скинула на пол пальто и, прижимая к себе платье, прошла в комнату:

– Айгуль вас тоже приглашала! Вы что?? Завтра в одиннадцать регистрация! Банкет в четыре!

На город опускались сумерки. Возле здания с белыми колоннами останавливались нарядные машины. Красивые мужчины и женщины поднимались по очищенным от снега ступенькам к ярко освещенному входу, и большой швейцар в красном старинном костюме распахивал перед гостями тяжелую дверь.

Суфия со своим семейством приехали на двух машинах. Из первой вышел Шамиль, открыл заднюю дверь и вытащил оттуда большущую, завернутую в бумагу и перевязанную бечевкой картину. Из второй машины вышли остальные. У Ирека было такое лицо, будто он в носках наступил в лужу. Ему не хотелось на эту свадьбу, но теща уговорила. На этом празднике они опасались одного: сделать сердцу больнее, ведь непременно вспомнится свадьба Ирека и Резеды. Но Суфия знала, что надо больше выходить в люди, только так раны затянутся. Потому и привезла на праздник все свое семейство.

В вестибюле девушки помогали гостям снять верхнюю одежду. Амина повертелась возле зеркала, достала расческу и причесала сначала Мунира, потом Ирека. Суфия рассовывала шарфы-шапки по рукавам:

– Ирек! Какой ты красавец!

Теща польстила зятю. Он был хорош собой, но лишь на

первый взгляд. А приглядишься – в ид у него потасканный, а глаза и вовсе грустные-грустные, и в них легко угадывается начинающий алкоголик.

Люди партиями поднимались в лифте на самый верхний этаж. Гости пришли все сразу, без опозданий и очень быстро расселись за столами. Пока ждали жениха с невестой, рассматривали друг друга. В зале был мягкий свет, отчего женщины казались красивыми. Возле рояля с бокалом красного вина стояла почти что богиня. Если бы не платье, Суфия не узнала бы Венеру. Они встретились глазами, и Венера, покачивая бедрами, очень медленно двинулась в их сторону.

Суфия, Шамиль, Ирек и дети сидели за дальним круглым столом.

– Ой, а что это у вас ничего не тронута? – спросила Венера, присаживаясь на свободное место. – Платье удалось, да? Надеюсь, не только нам с вами понравится. – Левой рукой Венера дотронулась до пышной, почти деревянной челки.

– Когда же, когда же придет невеста! – Амина ерзала на стуле. – Я хочу посмотреть платье!

Венера положила стеснительным гостям закусок. Амина с Муниром налетели на вкуснятину.

– Суфия-апа, а вы почему нос повесили? – спросила Венера.

– Неуютно мне здесь. Не привыкли мы к таким местам.

– Как? – изумилась Венера. – Вам не нравится?

– Нравится! Как во дворце! – сказала Амина с набитым

ртом.

Суфия приблизилась к уху Венеры и почувствовала, как приятно от нее пахнет.

– Я думаю... Если он такой богатый – так зачем ему наша Айгуль?

– Зачем-зачем... любит, значит, раз женится! – неожиданно прорычал Шамиль и опрокинул в себя рюмку водки.

– Ты чего кричишь? – шикнула на него жена.

– На свадьбу пришли и сплетничают сидят! Радоваться надо за человека!

Венера поспешила разрядить обстановку:

– Да мы радуемся, Шамиль-абы! Особенно я! Третий раз к ней на свадьбу прихожу! И в четвертый раз приду, если надо будет! Потому что подруга. Главное, чтоб Суфия-апа платья мне шила. Каждый раз ведь надо новое. Ой! Молодые идут! – Венера соскочила со стула.

– Как моя кукла Барби! – восхищенно прошептала Амина.

Оркестр, который лениво поигрывал джазовые импровизации, грянул свадебный марш. Жених с невестой на руках сделал два торжественных шага, а потом бросился бегом к своему столу. Усадил невесту, вырвал из рук ведущего микрофон и сказал:

– Ох, ну и пробки, мать их! Мы страшно проголодались! И прежде чем выпить за молодых, давайте-ка поедим!

Гости засмеялись и захлопали. Друзья жениха расселись по своим столам, рядом с женами. Двое мужчин подошли к

столу, за которым сидели Суфия со своей семьей и Венера. Мужчины, от которых приятно пахло уличным холодком, обменялись рукопожатиями с Иреком и Шамилем и плюхнулись на стулья.

– Давайте знакомиться! – объявила Венера и первая кокетливо подала руку мужчине справа. – Венера.

Он прочавкал что-то похожее на «Володя».

– Очень приятно, – улыбнулась Венера. – А чем вы занимаетесь? Постойте, сама угадаю! Юрист? Артист? Архитектор? Электрик?

Венера перечисляла профессии, а мужик мотал головой. Он ел и на слове «инженер-сметчик» наконец кивнул.

Выпили. Стало весело и тепло. Ирек с друзьями жениха принялись травить анекдоты, а Венера хохотала, даже когда было не смешно. Вдруг схватила одного из мужчин за запястье.

– Моя любимая песня! Идемте танцевать! – и утащила на танцпол.

Суфия посмотрела им вслед, и ей показалось, что она не просто платье сшила, а полностью сотворила Венеру. Хорошая она женщина, но почему-то никто не любит ее. Но она не привыкла застенчиво опускать глаза и когда-нибудь – в платье или без – обязательно своего добьется.

После танцевального перерыва Ирек и Шамиль вытащили картину в самую середину зала и поставили так, чтобы всем гостям было видно. Венера выбежала к микрофону:

– Наш Шамиль-абы, у которого открылся талант художника!

– А он и не закрывался, – тихо сказал Шамиль, но его никто не услышал.

– Кто бы мог подумать! – разошлась Венера. – Всю жизнь человек на тракторе работал и вдруг стал рисовать! Айгуль, пусть этот подарок украсит стены вашего дома. Будьте счастливы!

Венера захлопала сама себе, хотела еще что-то сказать, но Ирек обнял ее сзади за талию и потянул на себя. Ему пришлось держать ее, чтобы она снова не подошла к микрофону.

– Я не буду поздравлять жениха с невестой – за меня это уже сделали. – Шамиль обернулся на Венеру и подмигнул ей. – Я хотел бы попросить прощения у своей жены. Вчера я сильно обидел ее. Всю жизнь обижал. А она почему-то жила со мной и растила моих детей, которых больше нет. Моя жена была предана мне и любила меня. Это искусство. Это сложнее, чем картины писать. Желаю тебе, Айгуль, любить так, как Суфия. И всегда будешь красивой. И в старости вдруг поймешь, что не зря жила. – Шамиль достал блестящий перочинный ножичек, и острое короткое лезвие выпрыгнуло из рукоятки. Старик срезал бечевку и рванул с картины бумагу.

Художник с любовью перенес овражистый поселок на холст: ранняя весна с ее ручейками, голыми березами и островками снега на черной жирной земле. Возле заброшенного

колодца стояли старик и старушка. Это был их колодец, куда они давным-давно ходили за водой. Это был их поселок. Ни один инженер никогда бы не начал здесь стройку: холм, низина, овраг, снова холм. Но еще до революции один коренастый парень украл девушку из соседней деревни и женился на ней. А так как родительский дом был занят старшими братьями и их семьями, крепкий татарин обскакал окрестности, сначала выкопал колодец, потом шустро построил дом. Несколько лет муж и жена жили здесь, вдалеке от всех, одни. Счастливая жена, радуясь, что не живет со свекровью, пекла хлеб, выращивала картошку и день ото дня становилась все красивее. Единственное, чего она не могла, это резать кур. Когда муж ловил птицу, женщина, закрыв уши руками и шепча: «Господи-прости, господи-прости», взбиралась на самый высокий холм и с криком бежала вниз.

Вскоре железную дорогу проложили и до этих мест, построили жировой комбинат и временные бараки для рабочих и их семей. И через несколько лет родители Суфии и прочие люди пустили здесь корни. А первооткрыватель очень гордился, что именно с него и начался этот рабочий поселок. Разросся, задышал, да еще и пользу стране приносил – ведь на заводе люди работали в три смены. Жиркомбинату было теперь почти семьдесят, и лишь во время войны он делал не свое дело: его, как и многие заводы, передали военному ведомству – выпускать снаряды.

В середине двадцатого века первые жители этого чудного,

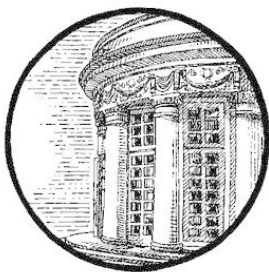
волшебным образом возникшего поселка были стариком и старухой: «А почему ты не построил наш дом у себя в деревне? Почему мы сюда, где ни души, приехали?» – спросила жена. А муж ответил: «А потому что я тебя ударить не смог бы. Я ж любил тебя. Помнишь, тебе, беременной, и самовар поднять не давал? А батя сказал бы, что я – тряпка, а ты – стерва».

В зале стояла тишина. Гости заворуженно смотрели на картину. Кто-то хлопнул в ладоши, и зал наполнился шумом аплодисментов, очень похожим на шум осеннего ливня.

– Ой, а вон мой дом! – прошептала Айгуль, рассматривая подарок. – Спасибо, Шамиль-абы. Вы, наверное, долго ее рисовали...

Шамиль отвел Айгуль в сторону, по-отечески взял за руку и сказал, пристально глядя в глаза:

– Сохрани тебя Бог от горя, которое досталось нам. И пусть это будет твоя последняя свадьба!

– Суфия-апа!! Милая моя! Родная моя! – Венера неслась по улице. Она смешно поскользнулась, извернулась в воздухе, но удержалась на ногах. И, тяжело дыша, обняла изумленную швею так, что обе свалились. Апельсины покатались по снегу. Венера сначала расцеловала Суфию, помогла ей встать, затем поползла за апельсинами. Быстро их собрала, отдала старушке хозяйственную сетку и уселась в сугроб:

– Ох, помру я, ох, помру!!!

Суфия наконец обрела дар речи:

– Да что, что случилось-то?! Ненормальная!

– Ох, Суфия-апа! Ох, ох! Пойдемте к вам домой, расскажу!

Венера выхватила у швеи сумки, взяла ее под руку и потащила в дом.

Дома Суфия усадила Венеру на диван и подала стакан воды.

– Не поверите, не поверите, сама не верю! – сказала Венера и залпом выпила воду. Торжественно поставила стакан на стол. – Меня на свидание позвали.

Суфия схватилась за сердце:

– Дура! Дура! Уф, чуть до инфаркта не довела!

– Помните, я на свадьбе с мужчиной весь вечер танцевала в вашем платье? Так вот. Телефон, говорю, не могу найти,

будь другом, позвони! Ну, он номер мой набрал, позвонил – я такая: «Ой! Да вот же он, под салфеткой!» – а сама думаю: запишет меня или нет? – Венера притихла на мгновение. – Записал! И позвонил! Представляете???

– Но при чем тут я?!

– Как при чем! Я теперь хочу сшить что-то, чтобы на свидание пойти.

– Э, нет! – Суфия подошла к швейному столу. Достала старый распухший блокнот, раскрыла его и ткнула пальцем в обведенное жирным кругом число.

– У меня еще три костюма не готово, один Шамиль разорвал!

Венера соскочила с дивана и обняла швею:

– Ну пожалуйста! Мне очень нужно! Вдруг это судьба моя! Сшейте хотя бы жилетку или просто косынку! Все что угодно! Лишь бы вышили! У вас руки волшебные! Ваша одежда счастье приносит!!!

Суфию тронули эти слова. К тому же она всегда нежно любила Венеру.

– Ткань принесла?

– Ой...

– Ватрушка ты, Ватрушка! – вздохнула Суфия и полезла в комод.

Достала оттуда целую стопку тканей:

– Выбирай. Еще с советских времен осталось. Когда мы все без разбору хватали, – сказала Суфия. – Посмотри вот

этот шелк. Я для Резеды покупала, думала, сошью ей платице летнее. Так руки и не дошли... Во-от! – выдохнула она. – А тебе как раз на блузку и хватит. И то с короткими рукавами только.

Швея развернула шелк, приложила к Венере. Обе посмотрели в зеркало. От ткани повеяло прошлым веком: шелк напился годами.

– Тебе к лицу. Ну что, шьем блузку? И пойдешь в ней на свое свидание. Когда оно?

– Не знаю, – тихо сказала Венера. – Я сказала: подумаю. Он обещал перезвонить на днях.

– А ты, между прочим, зря за ними гоняешься! – сказала Суфия.

– За кем же?

– За мужиками.

– Да что вы! – начала оправдываться Венера. – Он же сам позвонил. А я еще не сразу согласилась. Мне вообще-то тот, второй, больше понравился... Но раз уж так получилось... Этот тоже неплохой вроде. Женщина сама свое счастье строит. А будешь ждать, пока кто-нибудь влюбится, женится, детей захочет... Помрешь, так и не став матерью! Надо просто встретить такого мужика, который тоже хочет семью. И не тратить время на конченных холостяков.

– Мне кажется, что он и есть конченный холостяк. Разведенный?

– Ни разу женат не был. И детей нет. Мужчина без про-

шлого! – торжественно сказала Венера. – Я завтра, Алла бирса, после работы забегу на примерку? – спросила она, резво взбивая расческой свою пышную челку, и, будто опасаясь продолжения разговора, поспешила уйти.

Суфия достала выкройки, приколоты их к ткани, провела меловой пунктир. Убрала английские булавки и приложила шелк к щеке. Вспомнила свою маленькую дочь и ту длинную очередь, которую давным-давно пришлось отстоять, чтобы купить эту ткань. Одна баба все переживала, что гусь у нее потечет и испортится, пока она до дома его донесет, просилась вперед, но никто ее не пустил. И она стояла и цокала, озираясь по сторонам, будто холодильник высматривала.

Швее почудилось: сшей она платье – дочь жила бы теперь...

– Господи! Все люди молятся, просят, чтоб ты дал им силы! – прошептала она. – А я прошу: отними их у меня! Зачем мне одной столько?! – Суфия размашисто, как-то уж очень по-мужски вытерла слезы и в отчаянии крикнула в потолок: – Почему мне жить хочется?! Почему? Ведь дочь моя в земле! Сын мой – в земле! Для чего я, скажи?! Чтобы шмотье это шить? Тряпки эти никчемные? – Швея схватила шелк и, отчаянно пыхтя, попыталась разорвать его.

У нее ничего не вышло. И тогда она вытерла им слезы и обреченно начала кройку. Под ножницами ткань захрумкала.

– Алла-аһу эжбәр! – раздалось на весь поселок.

Мулла Мидхат начал свой намаз, во время которого весь поселок притихал. Голос муллы звучал мощно, особенно возле мечети. Но и к самым дальним домам долетала молитва. И люди замирали перед непонятными арабскими словами и думали, что если будут слушать внимательно, то уж непременно отведут от себя беду...

Коран давно Мидхатом был прочитан и осмыслен. Но ему хотелось соприкоснуться со Священным Писанием по-настоящему. Указательный палец медленно, пунктирно скользил справа налево по строчкам, а губы тихо проговаривали молитву, которая и была скрыта в странных, похожих на нарисованный пар буквах. Арабский язык сначала сопротивлялся, не давался и вдруг однажды распахнулся перед уже немолодым мужчиной, безымянный палец которого так и остался без имени любимой женщины. А еще раньше, в девятые, Мидхат, резко ударяя левой рукой правую чуть выше локтя, показывал средний палец своим врагам. И только в новом веке Мидхат сделался слугой народа и, складывая пальцы в замок, научился обещать с экрана телевизора низкие цены на молоко и горячую воду.

Он знакомился в клубах с девушками и, если находил их красивыми, – вытягивал большой палец и непременно приводил в огромную свою квартиру, где два раза в неделю некрасивая женщина наводила чистоту. Мидхат носил перстень на мизинце, но жизнь раздула мужику живот и намастила глаза и голос. И вскоре мизинцу стало тесно в перстне.

Однажды уборщица нашла перстень за диваном и взяла себе «на чай».

Как-то раз слугу народа вызвал другой слуга в Москву. Мидхат переживал напрасно: его не вздрючили, как он думал, а лишь пожурили за ремонт больницы и велели проставиться. Все закончилось в сауне с красивыми девушками. Обратно слуга народа ехал поездом в купе. С женщиной, которая не смогла купить билет на плацкарт и расстроилась из-за этого. Довольный и все еще красный от сауны Мидхат заказал в купе коньяк и лимонную нарезку. Женщина, поправив косую челку, выпила с ним. Разговорились. Он спьяну пообещал устроить ее медицинскую судьбу и решить прочие вопросы. Попутчица обратила внимание на пустой безымянный палец, на что Мидхат сказал: «Ни одна женщина не сможет захомутать меня!» И опрокинул в себя очередную рюмку. А вскоре такую фразу обронил: «Я всегда буду ездить на «Мерседесах». Потому что я принципиальный. Это нормальная такая машина». «Алла бирса», – добавила попутчица. «Не понял?» – Слуга народа погладил ямочку на гладко выбритом подбородке. «Скажите «Алла бирса» – бог даст, всегда буду ездить на «Мерседесах». Ведь может случиться так, что даже «Запорожца» у вас не будет», – пояснила женщина. «Это лузеры ничего не делают, сидят по норам и ждут, пока им бог даст. А реальные пацаны сами на себя рассчитывают». «Клизму бы тебе вставить да туалет закрыть», – подумала женщина и залезла на верхнюю полку. Больше они

не вели друг с другом бесед.

Однажды в поселок, который основали два любящих сердца, приехал мужик. Потомки первых жителей разбрелись по планете, поэтому мужик просто поселился в их доме и решил, что отстроит его и будет жить, пока не выгонят. И жил один, подробно изучая Коран. Скотину не держал, не завел и собаку. Люди побаивались странного Мидхата и хотели даже, чтобы он исчез, потому что не принято у них быть хмурым одиночкой. Но однажды из города приехал грузовик со стройматериалами и рабочие. И под надзором Мидхата за полтора месяца на высоком холме, том самом, откуда первожительница сбегала, жалея убитых кур, возвели бело-зеленую мечеть...

Мулла закончил намаз. Мечеть притихла. Поселок вновь зашептал железной дорогой, ветром, снегом, людьми. Суфия вдела нитку в иглоку и нежно замурлыкала какую-то мелодию. Швея иногда тихо напевала за работой. Даже ночью, когда все спали, в доме мелодично светился ее пошивочный уголок, а машинка аккомпанировала тихому голосу своей хозяйки. Порой Суфия думала вслух, едва разборчиво проговаривая слова. И одно время ходили слухи, будто она колдунья. И не просто одежду шьет, а нашептывает в нее разные разности:

– Венера. Всю жизнь отчаянно хватаешься за того, кто едва улыбнется тебе. Детей хочешь. Если и правда одежда моя

счастье приносит – будь счастлива с этим мужчиной. Ты заслужила. Любой женщине нужны любовь и дети. Хотя бы дети.

Швее захотелось сесть за свою машинку, но Ирек еще не привез ее из ремонта. Суфия прошлась по комнатам и, не найдя себе занятия, снова села за швейный стол, достала банку с пуговицами, приложила несколько штук к будущей Венериной блузке. Громко и жалобно проурчал желудок, но Суфии хотелось дождаться мужа, чтобы поужинать вместе. Вдруг она застыла, глядя на маленькую серую пуговку.

– Кажется, эти... Больше всего подходят...

Старушка вскочила. Лицо ее разгладилось, глаза заблестели. Она снова медленно села на краешек стула и сидела, глядя в пространство, боясь вспугнуть внезапно пришедшую мысль.

– Ведь верно! – прошептала швея. – Она могла бы...

Суфия принялась ходить вокруг обеденного стола. Она была сильно взволнована. Вдруг заметила, что мольберта нет. И остановилась. Значит, Шамиль не вернется, пока не стемнеет. В большом доме стало Суфии тесно. Она оделась, выбежала во двор, чтобы отправиться к Венере, но в воротах столкнулась с мужем. Он прислонил мольберт к стенке дома и устало сел на лавку.

– Что произошло? – Давно Суфия не видела Шамиля таким потерянным.

Шамиль поковырял ногтем стену дома.

– Похоже, я всего лишь маляр! – Шамиль посмотрел на мольберт. – В печь бы его, да где же ее взять? А помнишь, как я раньше дрова заготавливал? А ты за водой к колодцу ходила. По несколько раз на дню! С коромыслом, помнишь? Я на нем цветочки нарисовал, чтоб тебе веселей идти. А сейчас... Трубы, воду провели... Что и говорить – город почти! – Старик тяжело вздохнул. – Тоска.

Суфия подошла к мольберту и будто взглянула в молодящее зеркало.

– Шамиль... это же... – прошептала она в восхищении и прикрыла руками рот.

– Я был на заброшенном складе, – пояснил он. – Там ни ветра, ни снега. И свет хороший. Ушел, чтобы вспоминать ее, – сказал Шамиль, встал с лавки и подошел к своей жене. – А вспомнилась ты. Но портрет не удался...

– Почему? – возмутилась Суфия.

Но Шамиль небрежно взял мольберт и понес в сарай.

– А ты куда это собралась? – сказал он, не оборачиваясь. Скрылся в сарае, и Суфия слышала, как мольберт грохнулся на другие доски. – Хорошо, что снега навалило, – сказал Шамиль, выйдя из сарая. – Будет чем завтра заняться.

Пухлый весельчак Гришка оторвал глаза от накладных и промычал Иреку в лицо:

– У-у-у! Не бережешь себя, товарищ водитель!

– Быстрее сдохну.

– У тебя ж дети!

– Вырастут и тогда уж... хоть Амина. С ней Мунир не пропадет.

Чтобы остановить сей неприятный разговор, Ирек запрыгнул в кузов и принялся на пару с грузчиком подавать другому грузчику ящики с фруктами. Когда все выгрузили, Ирек спрыгнул на землю и закурил – ждал, когда Гришка подпишет и можно будет укатить в свой поселок. Главное, пост ГАИ проехать. А там уж можно и...

Но товаровед стал вдруг серьезным:

– У меня тоже мать померла, когда я еще в школу ходил. А братишка совсем еще карапуз был. Батя наш забухал, как ты. Даже еще хуже. Ему говорили, чтоб женился, а он заладил: «Только ее люблю, не могу». А вскоре понял, что не вытянет нас один. И сам сопьется. Ну и привел тетю Симу, она его в строгости держала! До сих пор живут, между прочим. – Гриша расписался в накладной, шлепнул печать и протянул бумагу Иреку. – И тебе женщину в дом надо.

Ирек скорее прыгнул в свою «газель» и удрал от почти

незнакомому человеку с его дикими советами. Что понимает этот мальчишка? Что видел он в жизни? Ирек и представить не мог рядом с собой, в их с Резедой доме, чужую женщину, пусть и во благо детей.

Но женское тело снилось уже давно. Тело без лица. С запахом и звуками. Ирек желал извлекать эти звуки. Эта темная нужда изводила его почти так же сильно, как тоска по любимой жене. Тело ведь никуда не денешь. Не проспиртуешь, не отплачешь – тело не проведешь.

«Газель» ползла по темнеющему городу, а вскоре вырвалась на трассу и полетела. Сундучок с машинкой Суфии, которую Ирек забрал из ремонта, ехал на пассажирском сиденье. Чтобы он не слетел на пол от резкого торможения, мужчина пристегнул его ремнем безопасности, будто живого человека.

Вдруг Ирек заметил у дороги двух девушек. Он видел их здесь раньше и знал, для чего они мерзнут, но никогда еще не останавливался возле них. А тут вдруг нога нажала педаль тормоза. Газель припарковалась у обочины. Одна из девочек скоренько подбежала к машине.

– Сколько? – глухо спросил Ирек.

– А сколько не жалко? – пошутила шлюха и улыбнулась.

Зубы ее оказались белыми, чему Ирек удивился. Он думал, что все эти неудавшиеся женщины – желтозубые. В ожидании ответа девушка куталась в свой короткий пуховик и дрожала, пытаясь это скрыть. Вдруг схватилась за дверную

ручку, ловко подтянула себя и оказалась у Ирека на коленях.

– Эй, я еще ничего не решил! – растерялся мужчина.

– А тут и решать нечего. – Она уже запустила руки куда надо, и это вскружило ему голову.

Тут же подошла вторая:

– Может, вдвоем? Скидку сделаем! – сказала она, перетаптываясь от холода.

– Пошла отсюда!

– Ну можно я хоть погреюсь посижу? – жалобно спросила девушка. – У меня сапоги осенние!

Ее подруга потянулась к ручке, сильно захлопнула дверь и включила в салоне свет.

– Давай на то сиденье пересядем, здесь тесно, руль мешает, – скомандовала она.

Расстегнула лифчик и, удивившись, почему клиент не хватанул ее за сиськи, сама взяла его руку и положила себе на грудь. Ирека это нисколько не взволновало, он глядел на девушку на улице.

– Да брось ты ее жалеть! Она та еще сука! Сейчас моя очередь!

На слове «сука» Ирек уловил запах голодного желудка у девушки изо рта и едва заметно поморщился. Ему было жаль ее, и было стыдно перед той, что на улице, – подрагивает и поглядывает на них. А за ее спиной пролетают машины, которые город будто выплюнул в сторону поселков и деревень.

Иреку стало больно оттого, что самым черным, самым

жутким образом предает он память жены; ему хотелось поскорее выпить и завалиться спать – бес попутал остановиться... Но Ирек не мог уже пошевелиться. И даже несвежее дыхание девушки не отталкивало... Это дрянное желание похлеще холода, голода, самого страшного горя. Мужчина нащупал ручку под сиденьем и отодвинул кресло как можно дальше назад. Руль перестал упираться девушке в спину. Девушка улыбнулась, потерла поясницу и соскользнула вниз.

В следующий момент Ирек возненавидел себя самой лютой ненавистью. И самым волшебным образом ощутил телесное тепло. По ту сторону «газели» посыпались белые шарики снега, которые принялись заметать лобовое стекло. Ирек этому снегу был рад, потому что он вновь встретился глазами с мерзнущей на улице девкой и подумал, что снег скроет его стыд, который, впрочем, лишь усиливал ощущения. Ирек взял девушку за голову. Едва похожие на снежинки мелкие белые шарики мгновенно таяли, ударившись о стекло, и бесконечно текли по нему, и смотреть на это было хорошо...

Когда все довольно быстро закончилось, мужчина включил дворники. Но улицу не увидел, потому что стекла приняли на себя его дыхание. Ирек потянулся за тряпкой, но девушка решила, что он хочет выйти, и задержала его руку:

– Погоди. Я только согрелась. Щас... посижу немного и пойду. – Она положила голову ему на живот и вытерла рот тыльной стороной ладони. – С тебя полторы тысячи, – ска-

зала вдруг девушка, и мужику стало легче.

Он достал из кармана несколько купюр и отдал ей заработок.

– На чай не дашь? – Она приподняла голову.

Глаза ее казались огромными, скулы широкими, а подбородок острым. Иреку захотелось погладить ее, и он провел рукой по волосам. Девочка прикрыла глаза:

– Сейчас. Еще немного посижу и пойду. Твой живот как подушка. Так мягко! И урчит интересно! Как мой кот. Который в детстве у меня жил.

В кабине стало зябко. Ирек завел мотор, включил печку и вспомнил про обед, который ему завернула Амина.

– Ты голодная? – спросил он.

– Да.

Мужчина достал пластиковый контейнер с картошкой и мясом. Открыл бардачок, искал там ложку. Достал, осмотрел ее и дал девочке, подумав, что сам никогда не будет из нее есть.

– Подогреть негде, жаль, – сказал он. – Зато чай в термосе теплый. Пстой, я машинку в кузов уберу, и ты сядешь.

Но девушка не пустила. Она уселась к нему на колени.

– Не выходи. Не надо. Я похаваю быстренько и уйду.

Ирек спорить не стал и налил в крышку от термоса чаю. И снова подумал, что купит новый термос, а этот выбросит.

– Вкусно, – сообщила девочка. – Жена готовила?

– Дочь.

– Сколько лет?

– Скоро будет двенадцать.

– Салага! – весело хохотнула она и отправила в рот очередную ложку картошки.

– А тебе сколько же?

– Мне скоро шестнадцать.

Ирек похолодел от того, что только что надругался над всеми женщинами во Вселенной, над их голосами и смехом, над их первыми поцелуями. Новая волна непростительной ошибки, бреда и испуга обрушилась на него. Он ясно представил, как кто-то обидел его Амину – не так зверски, как он эту девочку, а словом. Или толкнул. Иреку захотелось разорвать такого человека! И вообще подраться с кем-то, чтоб их было несколько, чтоб его самого избили до крови и сломали нос.

– Да не очкуй ты! Я уже второй год тут.

– А школа как же?

– Бываю там иногда.

Бог мой, куда все катится? Или земной шар завращался в другую сторону? Всем наплевать на то, что два ребенка мерзнут на зимней трассе и занимаются убийством будущего своего материнства, закладывают ненависть ко всем мужчинам! К жизни! Возвращают обиду на весь мир! Есть ли у них братья, отцы? Куда же они смотрят?!

– Спасибо. Вкусно, – похвалила девушка, – а сладкого у тебя, случайно, нет?

Ирек порылся в бардачке и извлек оттуда пару завалящих карамелек.

– И все? – недовольно сказала девушка. – Ты своей дочке не купил, что ли, ничего? Мой папа всегда нам приносил что-то вкусное за пятерки!

Ирек хотел спросить: где же теперь ее папа, но навалилась новая тоска: почему он ничего не купил Аминe с Муниром? Когда в последний раз покупал? Только привозил необходимые, совсем неинтересные детям продукты.

Он раскрыл дверь, выскользнул из-под девочки, вынул ее из кабины и на руках понес к кузову. Водительская дверь захлопнулась сама. От ветра.

Мужчина поставил девушку на землю и распахнул кузов. Распахнул так, будто это был вход в огромный зал, где проходит бал. И неожиданно для самого себя поцеловал ее как любимую женщину – так он просил прощения за себя и за всех мужчин. Не совсем ему было ясно, кто перед ним: девочка, которой надо почитать сказку, или уже женщина, которой надо подарить цветы. Кажется, девушку никто еще так не целовал. В первое мгновение она растерялась, а потом стала отвечать мужчине. И они целовались под снегом на ветру, возле раскрытых дверей кузова, а дым из выхлопной трубы одурманивал им ноги. Ирек больше не боялся заразиться, он даже хотел этого – измучиться чем-то физически, чтобы воспарить наконец душой. Он пытался зацеловать в себя всю девочкину боль: он взрослый мужик, он справится, а ей еще

жить, если не сгубит себя тут...

Вскоре они вернулись в кабину, где посидели еще немного. Ирек стал ерзать и искать повод проститься с девочкой. Она это почувствовала, медленно застегнула молнию своего пуховика и с надеждой взглянула на Ирека:

– Ну... пойду я, да? – зашифровала она мольбу: «Возьми меня с собой!!!»

И после длинного-предлинного мгновения все в ней крикнуло: «Умоляю! Приезжай еще!», а вслух сказалось:

– Если что, я всегда тут.

Снежная крупа сыпалась отовсюду, из-за чего «газель» и другие машины не летели как обычно, а ползли. Дворники со скрипом терли лобовуху, и скорости переключались с каким-то мерзким стоном. И печка гудела отвратительно. Да и дула слишком горячо – одним словом, все было не так. Возможно, конечно, забыться в музыке, чтобы орало радио, но Иреку хотелось ехать в тишине. Он понять не мог, почему вдруг мгновенно расслабился в своей боли? Почему впервые не бежит от тяжелого сердца? Это было новое для него ощущение. Ничего ему не казалось столь важным и столь прекрасным, как сквозь взбесившееся белое пшено пробираться к поселку в старенькой своей «газели», где и печь работает не так, и все уже разваливается, а на зеркале заднего вида болтается давно испарившаяся и выгоревшая на солнце елочка, которая раньше ароматно качалась, заглушая запах бензина. Как много в кабине баракла! Сегодня здесь будто пряжка от

туго стянутого ремня отскочила, и это принесло Иреку физическое облегчение и душевную боль, которую он впервые не гнал от себя, интуитивно чувствуя, что за нею придет к нему вознаграждение в виде великого духовного открытия, такого же важного, как любовь.

Ирек впервые за долгое время смог прочувствовать боль другого человека, позабыв о своей собственной тоске. Впервые худо-бедно позаботился о ком-то. Боже, пусть не кончается эта дорога! Ирек не знал, а ведь девочка дрожала и долго глядела туда, куда уполз грузовик, и зачем-то усердно шептала номер: «Е 504 АМ». Будто это чудесное заклинание, от которого приходит счастье. А может, так она благословляла путь мужчины, который ее поцеловал.

Суфия сидела и смотрела, как Шамиль поедает котлеты. Старик казался ей ребенком, вернувшимся с прогулки. Ей хотелось припасть к нагрудному карману ухом и слушать, как неравномерно бьется его сердце: «Ту-ук... тук-тук». И взглянуть на свой портрет ох как хотелось! Припрятать его подальше, а когда Шамиль обидит или разозлит – достать, взглянуть и все простить.

– А у Амины вкуснее было! – весело сказал старик.

Возле ворот громко остановилась «газель».

– Ирек! – Суфия поспешила навстречу зятю. Выбежала босиком на холодную веранду. – Сынок! – выдохнула теща и сглотнула какие-то важные слова. – Проходи, проходи, поужинай с нами...

Суфия поставила перед Иреком тарелку и решила:

– Скажи, тебе нравится Венера? Она такая хорошая. И одна. И ты теперь один. Хорошо бы вам вместе быть!

Ирек вдруг рассмеялся, но, поняв, что Суфия не шутит, взглянул на Шамиля, который устанавливал машинку на швейный стол.

– Я лучше домой поеду, – пробубнил Ирек.

И поднялся было из-за стола, но Суфия схватила его за руку:

– Пригласи ее куда-нибудь!

Надевая на ходу куртку, Ирек выскочил из ворот, запрыгнул в «газель», и она с ревом сорвалась с места.

Суфия немного постояла на улице и вернулась в дом.

– Ну ты, мать, даешь! – проворчал Шамиль. – Разве так об этом говорят?

– А как?!

– Уж как-нибудь по-другому! Все готово. Можешь шить. – Шамиль исчез было за занавеской и тут же выглянул: – Шить да помалкивать. Не ты одна такая умная. Я тоже давно об этом думаю.

Суфия села за швейный стол. Подложила блузку под машинку и принялась прострачивать. После ремонта и смазки машинка шила мягче и звучала по-новому. Швее казалось, что игла бежит и тараторит: «Ирекирекирекирек...» Так и шила она полночи. Блузку для Венеры, которая крепко спала у себя в доме.

А Ирек не ложился вовсе. Он вернулся домой со сладостями и трезвый, чем удивил свою дочь. Мунир радовался и прыгал, шурша блестящими фантиками, а Амина выпила чаю с кексом – и только.

Отец всю ночь сидел на полу и слушал, как спят его дети. Пытался навеки проститься с их матерью. Запомнить Резеду радостную, родную, живую. И больше не тосковать о ней за бутылкой. Водка превращает его в лохмотья. И женщиной, которую присоветовала Суфия, и девочкой той на трассе прорехи свои не прикроешь. Надо самому себя отстро-

гать. А значит – заняться делом. Хорошо бы очистить доски от коры и постелить в срубе полы. И хорошо бы сделать это не со случайным помощником, а с лучшим другом или просто уважаемым человеком. Тогда и дом будет крепким, а хозяева – счастливыми. Это понятие Ирек тоже изобрел сам – ему всегда уютно жилось по собственным правилам. Мужчине нравилось соблюдать им самим придуманные заповеди, он любил подчиняться всему, что приносит радость. И Резеду, приносящую радость, хотя и держал в строгости, слушался, не боясь прослыть подкаблучником.

Вскоре спящие детские лица выплыли из темноты. Давно же не любовался отец своей дочкой! Она почти уже девушка! «А начались ли у нее месячные?» – подумал вдруг Ирек и испугался этой мысли. Ему показалось, что спит Амина как-то уж озабоченно. И, должно быть, снятся ей взрослые сны. Нужна мать – добрая женщина в доме. С отцом радостно и помолчать. А поговорить – всегда только с матерью...

Ирек подошел к кровати сына. Мунир во сне обнимал мягкую собачку. Мужчина вспомнил, как обрадовался рождению дочери, как выбрал ей имя и купал вечерами. А когда впервые взял на руки сына, в то же мгновение перенесся на много лет вперед, представляя, как они вместе будут заниматься мужскими делами и не подпустят Резеду с Аминой. У мужиков будут свои секреты. Потому что они не просто отец и сын, а лучшие друзья, заговорщики, братья! И приятно волновала Ирека мысль о том, что Мунир, когда вырастет,

многое от матери будет умалчивать, чтобы не расстраивать. А ему – рассказывать.

В комнате посветлело. Мужчина порадовался, что впервые за долгое время проводил один день и встретил другой пусть и с болью в сердце, зато с ясной головой. И произошло это рядом со спящими детьми. Без водки было тяжело и непривычно, но Ирек все еще чувствовал важную перемену в собственной душе и решил, что будет терпеливо ждать, когда откроется ему истина.

Амина повозилась во сне, пробормотала что-то. Из-под одеяла вылезла теплая ножка. Волосы раскидались по подушке и по спине. На мгновение Иреку показалось, что это Резеда спит. Мужчина почувствовал, что внутренности его стремительно сохнут и, если их не смочить, сам он скукожится и рассыплется. Отец попытался уцепиться сердцем за спящих детей, но его будто выплюнуло из комнаты в кухню. Мужчина отодвинул стол, рванул ручку подпола и скрылся во тьме. Чиркнул зажигалку. За кабачковой икрой на самой верхней полке была спрятана бутылка. Чтобы не дать себе передумать, Ирек быстро ее открыл и сделал большущий глоток. Через мгновение еще один, поменьше. И с горечью понял, что этих «последних разов» впереди еще много.

Он попытался задремать на диване. Но сон не шел, и Ирек отправился во двор. Нужно было очистить снег, чем хозяин с удовольствием занялся и с лопатой в руках почувствовал, что не спал ночь. Вскоре подобрался к деннику, в котором

раньше стоял конь. Наверное, он давно галопом усекал в небо, к своей хозяйке. Потому что в день похорон Ирек оставил Сухаря под дождем на кладбище, и больше коня никто не видел.

На полу догнивала солома. В углу валялось ведро. Конечно, хорошо бы взять другого коня – для детей, ведь они привыкли ездить верхом. Но дети не просили, а отец не предлагал. Хорошо, что Сухарь не вернулся. Больно было бы видеть, как в этом тесном помещении, нехотя смахивая пыльным хвостом мух, тоскует конь.

Во дворе слышался шум. Ирек подумал, что это проснулась Амина, но, когда вышел из стойла, увидел Шамиля. Тесть и зять пожали друг другу руки.

– Который час? Первая электричка, выходит, была? – спросил Ирек.

– А ты чего так рано встал?

– А! – отмахнулся Ирек. – Не спится. Пойдем, отец, в дом. Зябко.

Когда поселок проснулся, под зимним солнцем и чуть щиплющим морозом взревела циркулярная пила, через которую Шамиль и Ирек пропускали доски, очищая их от коры. Ирек не дождался бы лета, ему хотелось сейчас же приступить не к строительству – к сотворению иного мира и в доме, и в собственной душе.

Мужчина давно задумал детскую из сруба. Много лет не доходили руки, чтобы постелить полы и поставить печь.

Именно печь, которую топят дровами. И сейчас, кажется, пришло время. Строительство во имя детей, во имя их матери – спасет, даст начало новой жизни.

Мужики трудились в рабочих рукавицах. Пилорама сжирала кору, превращая ее в опилки. Время от времени Шамиль просил передышку. Инструмент вынимали из розетки, и все стихало. Ирек любовался досками, нюхал их и аккуратно складывал. Ближе к вечеру мужчина понял, что работа-то спорится, но спешить никак нельзя. Надо посмаковать этот новый деревянный мир, детскую, о которой мечтала его жена. Прочувствовать каждый гвоздь. И тогда в процессе создания произойдет перерождение, выздоровление, на которое рассчитывал Ирек. Слава богу, он понял, что болен, что ему нужна помощь. Но, как это и водится, мужик решил, что сам во всем разберется. Без посторонних. Тем более – без женщин.

Шамиль и Ирек перетаскали очищенные доски в сруб, аккуратно уложили их на пол.

– Славно сегодня поработали, – с казал Шамиль, снимая рукавицы. – Хорошая будет комната. Просторная. Сколько сруб-то у тебя?

– Четыре на три. – Ирек чиркнул спичкой, но огонь затушило сквозняком. – А ты, батя, будто почувствовал, что мне помощь-то нужна. Как снег на голову. Да еще с утра пораньше!

Ирек снова чиркнул спичку. Прикурил на этот раз. Амина

позвала ужинать.

– Мы тут с папой поговорим, кызым, – пояснил Шамиль.

Ирек прижал к животу круглый хлеб и походным ножичком отпилил кусок, настолько толстый, что шпротина легла на него, будто спичка на матрац. Амина несколько раз выходила в сруб, где отец и дед выпивали из граненых стаканов, и звала ужинать. Но мужики ее мягко отсылали. Девочка сводила брата в баню, после чего он развеселился и никак не хотел ложиться, и Амина пожаловалась отцу. Не сходя с места, Ирек рявкнул: «Мунир, а ну марш в кровать!»

Некоторое время детей не было слышно.

– Я постелила вам в зале на полу, – сообщило лицо из дверной щели.

Ирек кивнул:

– Иди, кызым, спи.

– А вы когда?

– Скоро...

Девочка медленно прикрыла дверь. Но через мгновение она резко распахнулась, и Амина выскочила в пижаме и босиком на холодный пол:

– *Дәү-әти*, ты почему приехал?! *Әтием* и без тебя почти все время пьяный! Ко мне даже завуч подходила! Сколько я могу ей врать?! – крикнула она отцу. – Тебя родительских прав лишат! Нас с Муниром в детский дом отдадут!

В срубе был слабый свет, и никто не увидел, как глаза Ирека мгновенно увлажнились. Он тут же заставил себя поду-

мать о чем-то постороннем и справился со слезами.

– Дәүәти, я думала, ты приехал учить меня рисовать! – обиженно выхрипнула девочка, закашлялась и скрылась в доме. Ирек дернулся было, чтобы пойти за ней, но Шамиль задержал его.

Тесть и зять сидели в старых дубленках, таких твердых, что они сковывали их телодвижения. Но в просторном холодном срубе, где от досок пахло свежим деревом, сидеть и выпивать, почти не двигаясь и не разговаривая, было самое оно. Мужики впервые бок о бок, словно одним общим сердцем, тосковали о женщине, которая одному из них приходилась дочерью, второму женой.

Далеко-далеко послышался собачий лай. И вслед за ним у одного из мужчин жалобно прооручал желудок. Накинув отцовскую куртку, в валенках на босу ногу вышла Амина с тазиком мокрого белья. Встала на табурет и демонстративно-обиженно прицепила прищепками к веревке плохо отжатые отцовские джинсы. Подставила под них таз и вновь скрылась в доме.

Вода, стекающая с мокрых штанов, звонко забарабанила. Совсем близко слышались жутчайшие кошачьи оры. Видимо, коты делили двор Ирека перед мартом. Наконец тишина из сруба ушла. И вслед за звуками заговорили и люди.

– Улым, – начал Шамиль, и возле его рта красиво заструился пар. – Без хозяйки-то трудно. Амина вон как белка в колесе. Детство у ней отнимаешь.

Ирек открыл было рот, чтоб ответить, но рыгнул желудок. Так, будто молодой медведь прорычал. Мужчина уже сделался нетрезв и потому не смутился и не извинился. Марш, который отбивала вода в тазу, замедлился. Шамиль вылил остатки водки в стаканы и швырнул бутылку в квадратную дыру, за которой чернела ночь. Бутылка вязко утопла в снегу.

– Благодарю Бога, – коротко приказал старик и мгновенно осушил стакан. – Твои дети с тобой. Детей терять страшней, чем любимых женщин.

– Твоя-то женщина всех нас переживет! Только и знает, что шить да жить. И чушь всякую советовать. Сводница нашлась... – Ирек с трудом проговаривал слова. Недавняя жажда подраться или хотя бы быть избитым проснулась в нем, и он провоцировал тестя.

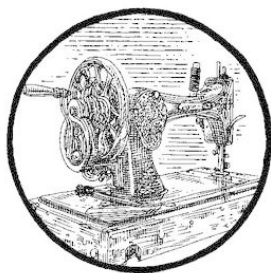
Однако ожидаемого удара не получил. Наоборот, Шамиль по-отечески положил руку зятю на плечо. И тихо рассказал о своей жизни: о художественном училище, о первой жене, об их сыне, с которым Ирек дружил. И о Суфии.

– Как дурак закрылся я от счастья своего. А оно пришло ко мне в момент горя и жило рядом, а я не понимал этого. Осознал только – страшно подумать, – когда обоих детей похоронил. Только тогда я понял, что за женщина была рядом со мной. Но годы не вернешь!.. Нам осталось-то... – Последнюю фразу старик произнес почти шепотом и вовсе затих. Но вдруг рывкнул не своим голосом: – А тебе надо жить!!!

Коты, вероятно, доделили территорию, потому что больше не орали. Со штанов докапала и замерзла в тазу вода, желудки мужиков молчали – в срубке снова стало тихо. Какое-то время тесть и зять сидели неподвижно и в деревянных дубленках смотрелись как два медведя. Иреку показалось, что вся эта история – жестокое, глубокое вранье. Оно придумано специально, чтобы пристроить к нему бабу. Он хотел сказать это вслух, но вдруг почувствовал, что тесть его плачет. Как он это понял? Старик ведь сидел тихо, неподвижно, и лицо его скрывала темень. Мгновенно весь хмель у Ирека вышел. Подбирая бодрящие слова, Ирек нерешительно положил руку на плечо тестя. В следующее мгновение Шамиль резко рванулся к зятю. Они порывисто обнялись и, стиснув зубы и крепко зажмурившись, выплакали всю выпитую водку. Ирек с ужасом понял, что он-то потерял лишь жену. А Суфия и Шамиль закопали в землю дочь! Ирек представил себя без сына, без дочери и осознал: терять детей страшнее, чем любимых женщин! Бог мой! У Амины с Муниром нет больше матери! А есть ли отец?! И это было самое дикое, самое большое открытие. Не эта ли истина подбиралась к нему со вчерашнего поцелуя? Горло зачесалось так, будто боль девочки, которую Ирек зацеловал глубоко в себя, не смогла прижиться внутри взрослого мужика и запросилась наружу. Хотелось крикнуть! Рывнуться!..

Но спали дети. И чтобы не свихнуться, Ирек крепче обнял тестя и плотнее стиснул зубы. И двое мужчин, которые во

мраке сруба казались медведями, оплакивали теперь разных женщин – каждый свою любимую.

– Скажи, моя девочка, ты хотела бы... Тебе ведь нужна... мама? – Взяв нож и картошку, Ирек присел рядом с дочерью.

Амина взглянула на отца как на сумасшедшего и опустила почищенную картошку в миску с водой.

– Пап, ты опять пьяный? Зачем нам новая мама? Я свою маму люблю.

– Я тоже ее люблю... Но...

– Ты, что ли, влюбился в кого-то?! – Амина испугалась, что одной из одиноких учительниц удалось сблизиться с ее отцом. – Это Наталья Петровна?!

– Наталья?.. Нет! Просто... я смотрю на тебя... И подумал, что, если бы у нас была мама, ты могла бы играть, в гости к подружкам ходить. И уроки делать.

– Значит, ты ни в кого не влюбился?!

Ирек мотнул головой, и Амина весело взяла очередную картошку. Из-под девчачьих рук быстро выполз коричневый серпантин и упал в помойное ведро.

– Поверь, с новой мамой нам будет плохо, – сказала девочка. – Я никого не хочу. И ты не хочешь! Мы не будем нашу маму предавать!

Ирек сидел, широко расставив ноги. В ведре плавала какая-то зелень и оранжевые морковные очистки. Амина развеселилась и запела, хотя обычно делала домашнюю рабо-

ту молча. Девочка летала от плиты к холодильнику, гремела посудой и вдруг очутилась у отца на коленях. Ирек даже вздрогнул от неожиданности и развел в стороны мокрые руки.

– Папочка! Я так люблю тебя!! – Амина крепко обняла отца и расцеловала. – Нам никто не нужен, правда?

Ирек отложил нож, вытер руки и погладил дочь по голове:

– Ты просто сказок про злых мачех начиталась. А в жизни...

– Не-е-ет! – вдруг закричала девочка. – Нет-нет-нет!!! Я буду хорошо учиться. Ты из-за этого, да? Обещаю! Я буду без троек! Могу и отличницей стать! Спорим?! – А мина протянула руку отцу. Но он ее не пожал, а приложил ладонь дочери к своей щеке. Но девочка, будто уколотившись о щетину, отдернула руку и снова резким движением выставила ладонь.

– Спорим? – жадно уставилась отцу в глаза.

– Спорим...

Давненько Венера не появлялась у Суфии. Готовая блузка ждала ее на безголовом манекене. Жирно обведенное число в блокноте неумолимо приближалось. Танцоры названивали – торопили швею. Суфия целыми днями строчила. Забросила своих птиц, и они караулили ее, а самые нетерпеливые время от времени стучали клювом в окно.

– Голубки мои, потерпите!

Суфия подняла голову. Венера стояла за окном и клевала пальцем стекло.

– Заходи! – крикнула Суфия.

Но Венера отвернулась, и тут же затылок ее резко исчез.

Суфия набросила пальто и вышла во двор. Голуби и воробьи быстро слетелись на крыльце.

– Нету, нету пшена. Кончилось. Шамяля послала в магазин.

Венера порылась в карманах и кинула птицам маленькую горсть семечек. Суфия присела на лавку рядом.

– Вы продайте ее. Никуда я не иду, похоже...

Женщины глядели на птиц, которые суетились возле ног, выпрашивая еще. Венера сидела, вытянув ноги и держа руки в карманах.

– Размечталась! Куда мне! – горько усмехнулась она. – Вы меня простите, время у вас отняла. Я заплачу.

С годами Суфия, на беду свою, а может, на счастье, стала слишком хорошо разбираться в людях. И поняла еще на свадьбе, что тот мужчина никогда, ни за что не променяет свое удобное одиночество, позорное благополучие на настоящую семью. Желание любить угадывалось в Венерином голосе, во всех движениях, во взгляде. И это пугало мужчин. А может, не только это. Может, Венера расплачивалась за грехи предков. Ведь бабка ее была необыкновенной красы. Все мужики были в нее влюблены. Поэтому и не было в поселке ни одной счастливой семьи. А еще она тайно делала

бабам аборт. Попробовала разок-другой на себе, и понеслось. Так и закончился бы их род, если б однажды не приискал один торговец. Он продавал платки. Стучался в дома, повязывал женщине платок, подводил к зеркалу и принимался нахваливать. А Венераина бабка сразу его выставила, даже слушать не стала. Но он это дело так не оставил. Каждый день приходил. Однажды красавица вышла к нему, поедая яблоко и... совсем голая. Думала, что мужик застесняется, замнется, покраснеет... А она от души расхохочется ему в лицо, и он навсегда к ней дорогу забудет. Но торговец ничуть не растерялся, схватил красавицу, унес туда, откуда лошадиное ржание доносилось...

Говорят, она влюбилась в того торговца, которого никогда больше не видела. Родила сына, тосковала, ждала торговца до старости. Очень быстро огонек в ее глазах потух, вся она будто бы ссохлась и стала обычной деревенской бабой на радость остальным.

– Сколько с меня? – спросила Венера.

Вдруг на носок ее сапожка присела голубица. И принялась ворковать, наклоня головку в стороны.

– Забери себе и носи на здоровье, – сказала Суфия. – Ты глянь, не боится. – Она вытянула руку.

Голубица смотрела-смотрела, вспорхнула с сапога и осторожно села на руку.

– Ладно, – выдохнула Венера, – пойду я.

И резко встала. Птица взлетела, шумно захлопав крылья-

ми. За нею дернулись и остальные.

– Ах! – Венера застыла на месте. – Вы слышали? Взмахи крыльев? Я первый раз так близко слышу... Как хорошо им! Захотели – полетели.

– Венера. Я хотела кое-что показать тебе, – сказала Суфия.

И повела ее через двор к приставной лестнице. Венера посмотрела вверх, на маленькую синюю дверцу, возле которой заканчивалась лестница. Суфия крепко обхватила основную перекладину. На самую нижнюю встала нога в калоше. Наверху Суфия раскрыла небольшую чердачную дверь, пригнувшись, вошла и на мгновение исчезла. А потом весело выглянула:

– Ты лезь, не бойся. Эту лестницу мой сын сделал. Она крепкая.

Венера тоже взобралась.

– У вас и чердак-то не как у людей! – восхитилась она. – У меня там черт ногу сломит. Паутина, пыль. Я туда лет шесть не поднималась.

От маленькой дверцы до противоположной стены лежала ковровая дорожка с залысинами в нескольких местах. В дальнем углу друг на дружке стояли ящики и коробки. Справа – самодельный лежак, покрытый байковым одеялом. Рядом перевернутый деревянный ящик. На нем, на запыленной, когда-то белой, вязанной крючком салфетке стоял крошечный телевизор с выпуклым экраном и длиннющей антен-

ной. Протянута проволока, на которой висела цветная, поеденная солнцем занавеска. Венера вздрогнула, потому что увидела чучело на стуле. Ноги его были бугристые – в старые штаны неравномерно напихали разных тряпок. Куртка, изображающая тело, напротив, хилая.

– Это наш домовой, – пояснила Суфия. – Когда дети не слушались, я говорила, что домовой заберет их на чердак и в дом больше не пустит.

Венера подошла к «домовому». Поправила ему пыльную кепку.

– Еще можно было в перчатки обрезки тканей напихать. Получились бы руки. Или медицинские надуть.

Суфия присела на самодельный лежак:

– Думаешь, это я его сделала? Было у меня время! Это Марат. В тринадцать лет облюбовал себе здесь место. – Суфия похлопала ладонью по одеялу. – До самой зимы не спускался. Как-то раз домового и смастерил. И однажды напугал нас с Резедой. Ох и смеялись мы потом!

Спрятав руки в карманы, медленно прошла Венера по длинному чердаку. Резкие, но тихие скрипы будто выпрыгивали из-под ее ног. Возле окна Венера остановилась, посмотрела на паутину:

– В детстве жуть как боялась пауков. Потом перестала. Мыши-то страшнее. Теперь и мышей не боюсь. Недавно сплю, слышу – кто-то шуршит. Вышла на кухню, включила свет, а там мышь. Раньше бы на люстру вскочила, закричала

на весь поселок... А сейчас... Ну, мышь. – Венера на пятках повернулась к Суфии: – Зачем мы сюда пришли?

Суфия встала, порылась в коробке и достала свой портрет. – Гляди. Припрятала от Шамиля. Выбросить хотел. – Старушка потянулась за другой коробкой, но не удержала, и много пожелтевших листов высыпалось из нее. – Это рисунки его молодости.

Женщины присели на корточки и стали перебирать их: кувшин на смятом полотенце, яблоки в вазе, детские игрушки на полу, угловатая худая женщина у зеркала... На пол чердака не просто эскизы высыпались. Рассыпалась целая эпоха. Мечта. Жизнь. В которой не было еще ни Суфии, ни детей, ни внуков. Ничего похожего на то, чем жил Шамиль сегодня. Когда он, молодой юноша, набрасывал свои этюды, едва ли думал о том, что много лет никчемной стопкой будут покоиться они в коробке, как в братской могиле. На чердаке дома, который даже не он построил. Суфия подумала, что Шамилю всегда больно жилось на свете. Кто-то ровно проходит свои годы, а кого-то схватит судьба за горло, тряхнет, с ног на голову перевернет все и снова жить велит.

Птицы, клюющие зерна, рассыпанные бусины и резная шкатулка с распахнутой крышкой... Перебирая его рисунки, Суфия подумала, что они с Шамилем разные, невозможные друг для друга. А почему-то жили вместе столько лет.

– Венера... – глухо сказала Суфия. – Гляди-ка. На тебя похожа эта.

Венера посмотрела на рисунок. Пухленькая, будто застигнутая врасплох женщина возле своей кровати едва успела прикрыться простыней...

– Я думала издалека начать, схитрить... а я тебе прямо скажу. – И старушка поведала о своей жизни, ничегошеньки не утаивая.

Сидели на лежаке, который сделал Марат, среди эскизов художника. Молчали. Венера глядела на рисунок, который все еще держала в руках. И вдруг, такая мягкая, прильнула к худенькой Суфии.

– Попробуй, попробуй пожить с ним. Бог вам поможет, – горячо заговорила старушка.

Пол зашептал. Женщины прислушались к звукам у них под ногами, будто к молитве Мидхата.

– А вы жили? – Венера встала. – Вы жили, и что? Обоих детей похоронили – это ли награда? Простите, что я так говорю...

Потрясение, которое испытала она от рассказа Суфии, прошло. Венера принялась ходить туда-сюда по чердаку.

– Знаете, я всегда думала, что вы Шамиля-абы увели у кого-то.

– Почему??

– Вы красивая были в молодости. – Венера взяла портрет Суфии. – Я еще с детства помню вас. Одни глаза чего стоят. Нет-нет, и не просите. Я все понимаю, и детей жаль, но – нет. Тем более, он Резеду забыть не может... Вам легко го-

ворить! Вы такая женщина... Вас любой дурак полюбит. С вами удобно и тепло. Можно уткнуться, когда хочешь, подзатыльник дать – в се стерпите!

– Еще и накормлю, и спать уложу, и рубашки сошью.

– И за все прощу!

– А ты попробуй любить того, кто совсем этого не заслуживает. И увидишь, как меняется он от твоей любви. Не сразу... И однажды ты поймешь, что любишь его больше жизни, что он и есть твоя жизнь.

– Когда еще это будет! – Венера повернулась вокруг себя и швырнула портрет Суфии в коробку. – Вы так рассуждаете: он поймет, я пойму... И когда же? В шестьдесят лет? А мне четвертый десяток! Мне сейчас, сию секунду надо!

Венера решительно направилась к двери. Но вдруг та распахнулась, а в дверном проеме, будто в картинной раме, возник Ирек. От неожиданности Венера приоткрыла рот и, кажется, забыла, как дышать. Беспомощно обернулась на Суфию и снова на живой портрет Ирека. И с его именем наконец шумно выдохнула:

– Ирек?! Господи, ты все слышал??

Ирек схватился за края дверного проема, подтянул себя, пригнул голову и вошел на чердак:

– Я приехал за пиджаком. В школе ругаются, что Амина без формы. Услышал голоса и поднялся. – Ирек покраснел. – Здравствуй, Венера.

Суфия встала, зачем-то отряхивая руки, будто они были

в муке:

– Соберите рисунки, а мне надо два костюма закончить! – и спешно покинула чердак.

Венера первая принялась торопливо собирать разбросанные эскизы. Ирек некоторое время смотрел на нее, присел рядом. Прикоснулся к подбородку, осторожно приподнял голову. Венера быстро опустила глаза. Ирек поцеловал ее в уголок губ. В другой уголок. Завел волосы за уши. Венера не вынесла этой неожиданной нежности и встала. И Ирек встал. Рисунки, которые она успела собрать, рассыпались возле их ног.

Ирек и Венера стояли на пороге дома перед детьми. Амина в фартуке, скрестив руки на груди, глядела исподлобья.

– Венера теперь будет жить с нами, – пояснил Ирек и помог ей снять пальто.

От неловкости Венера кашлянула в кулачок, поправила челку и нежно поглядела на девочку. Не найдя у ней ответного взгляда, улыбнулась Муниру, и мальчик тут же бросился к ней. Женщина присела рядом с ним, погладила по голове и взяла на руки. Амина глядела на брата как на предателя.

– Как вкусно пахнет! – осторожно сказала Венера. – Амина, ты пироги печешь?

Девочка убежала в свою комнату.

– Она привыкнет, – спокойно, даже как-то безразлично сказал Ирек и пошел топить баню.

– Какой ты, оказывается, тяжелый! – Венера опустила ребенка на пол. – Покажешь мне свои игрушки?

Мунир тут же побежал в комнату, толкнул дверь, но дверь не поддавалась. Амина сидела с другой стороны, прислонясь к двери, упираясь босыми ногами в пол.

– Апаем, открой! – попросил Мунир.

Венера тоже подошла к закрытой двери, робко постучалась.

– Амина. Впусти нас, пожалуйста. Я привезла вам подар-

ки.

Мунир стал прыгать вокруг нее:

– Подарки! Подарки! Ура! – и пуще прежнего принялся ломиться в детскую.

Женщина внесла свой чемодан в комнату Ирека и Резеды. Венера бывала в этой комнате, когда приезжала на семейные праздники: на день рождения Резеды, на их с Иреком годовщину. Кроме Айгуль, что без конца выходила замуж, Резеда была единственной подругой, которая не боялась приглашать Венеру к себе домой. Остальные отказались от дружбы с одинокой женщиной и давным-давно отвадили от своих семей. Только здоровались на улице и перебрасывались ничего не значащими фразами. Венера сначала тянулась к бывшим подругам, потом разгадала эту глупую женскую ревность и не лезла больше. Выплакалась один раз дома и на людях всегда была весела. Решила – раз ревнуют, раз мужей своих берегут – значит, что-то привлекательное в ней есть...

Венера взглянула в окно: большой желтой губкой Ирек мыл свою «газель». Давным-давно он купил ее, думая, что грузовик его всегда прокормит. Сначала устроился в мебельный магазин и привозил людям диваны и кресла. Потом бытовую технику, теперь вот работал на фруктово-овощной базе.

Венера раскрыла шкаф. На плечиках, вперемежку с одеждой Ирека, висели платья Резеды. Над туалетным столиком – большая свадебная фотография. Венера вытянула ящик тум-

бочки – он был полон заколок, шпилек, расчесок. Все эти безделушки выглядели так, будто ими до сих пор пользуются. Кое-как Венера разместила свои вещи в комнате. Присела к зеркалу и увидела, что Мунир стоит возле двери.

– Ты почему грустишь? – спросила Венера.

– Ты обещала подарок, и где он?

Венера дала ему диск с мультфильмами. Они вышли в большую комнату, и Венера вновь попыталась вытащить Амину.

– Мы не можем диск поставить. Амина, помоги нам!

– Я сам умею! – Мунир поставил диск и прыгнул на диван.

Венера присела возле двери, прижалась к ней щекой.

– Амина, девочка моя... – начала она тихо. – Я очень любила твою маму. У меня не было еще детей, Амина. А я уже лет пятнадцать их хочу. Меня никто не любил. И папа твой пока еще не любит...

Вдруг дверь резко открылась, и женщина, охнув, свалилась в детскую. Амина проворно перепрыгнула через Венеру и бросилась в кухню. Послышался лязг открывающейся духовки.

Вечером все собрались за столом. Ирек с удовольствием поедал капустный пирог. Амина слишком уж суежилась, а Венера медленно помешивала сахар в чае. Что-то неприятное в горле, важные несказанные слова не смывались чаем, не заедались пирогом.

– Кто первый в баню? – спросил Ирек. – Амина, Венера,

вы? Или мы с Муниром?

Из закрытой банной двери слышался звук воды и алюминиевого таза. Венера нехотя раздевалась. Долго стояла в предбаннике. По ногам неприятно пробегал ветерок. Женщина не решалась войти в горячую баню, из которой, тяжело дыша, выползла Амина. Она с презрением взглянула на Венеру, которая успела прикрыть себя полотенцем. И, мгновенно поняв нелепость этого жеста, медленно опустила полотенце и нырнула в баню.

– Амина. Там холодно. Зайди, заболеешь, – крикнула Венера как можно строже.

Девочка вошла. Смочила мочалку в тазу, намылила ее и стала натирать себя, то и дело макая мочалку в воду. Вылила полбутылки шампуня. Пена разлетелась по стенам, по полу и по Венере. Она хотела потереть девочке спину, но Амина не далась, изо всех сил делая вид, будто она в бане одна. Тогда Венера решила оставить ее в покое. Взяла другой тазик, налила в него воды и собралась было мыть голову, как Амина схватила таз, разом опрокинула на себя и вышла. Венера ничего ей не сказала. Пусть перебесится, характер свой уgomонит. Ведь это непросто – принять в своем доме чужую женщину. Пусть и мамину подругу.

Венера зачерпывала ковшом воду из бочки и лила на стены – смывала за Аминой пену. Потом уселась на скамью, прислонилась спиной к стене, вытянула ноги и легонько похлопала себя березовым веником. Зачем она здесь? Суфия

разжалобила? История, которую она рассказала, не выходила из головы. Правда, что не человек выбирает, как ему жить. Бог уже за всех решил: кто, когда и с кем будет счастлив. И на какой срок. Резеде и Иреку выпало чуть больше десяти лет. Суфия и Шамиль только-только сблизились. И сколько им еще жить на земле? А Венере с Иреком сколько лет отпущено? И с Иреком ли?

Пышная женщина, которую зарисовал Шамиль простым карандашом, и была Венера – несостоявшаяся картина, чья-то непонятная беглая задумка. Набросали ее в сером цвете на желтоватом листе и на много лет забросили. Но вдруг наткнулись и решили в дело пустить.

Мужчину, потерявшего жену, называют вдовцом. Ребенка без родителей – сиротой. А женщину, у которой никогда не было детей, – как назвать? Венерой? А мать, которая похорила детей, – Суфией? Такие тайны становятся явью всегда некстати: обрушивается на человека горькая правда самым нелепым образом. Человек начинает копать в своем прошлом, причиняя боль себе и родным. А тайна Суфии обошла ее сына и рухнула на Венеру. Неужели для того, чтобы запретить ее здесь? С чужим мужиком и его детьми?..

– Эй, ты там нормально? – Кулак два раза стукнул в запотевшее окно. Венера вздрогнула. – Эй?

Через несколько мгновений Ирек вошел в баню. Венера быстро прикрылась веником. Ирек глядел на нее и почему-то обратил внимание на гладкий округлый лоб, который она

всегда прикрывала челкой. Вдруг понял, что перед ним обнаженная женщина, и замер.

– А... где же ваш Сухарь? – от волнения произнесла Венера.

Ирек сглотнул:

– Пропал. На кладбище. В день похорон.

Ирек закрыл дверь и вплотную подошел к Венере, которая все еще прикрывалась веником.

– Выйди... пожалуйста... – прошептала Венера.

Ирек одним рывком сбросил куртку на пол, взмахнул руками и оказался без футболки. Прижал к себе Венеру. Рукоятка веника колола обоим грудь.

Казалось, Ирек задыхается, тонет и хватает влажную женщину, как бревно, случайно проплывающее мимо. Венере показалось, будто печь отделилась от стены, а пол под ногами поплыл. Вдруг Ирек резко отпустил ее и отступил. Венера во все глаза глядела на него.

– Не могу здесь, – сказал он и вышел.

Венера долго глядела на дверь, желая, чтоб та распахнулась, чтоб Ирек вернулся и еще раз попытался любить ее. Капли воды и пота стекали по женскому телу. Появилась давно забытая слабость в ногах, и бешеная карусель крутилась в животе неподвижной Венеры. Она почувствовала в своей руке связанные березовые прутья, растерянно взглянула на веник и отбросила его. Затем сделала шаг к двери и наступила на куртку и футболку Ирека.

Подняла. Вынесла в предбанник и вскрикнула: Ирек сидел на лавке, широко расставив ноги. В руке сжимал бутылку водки. Мужчина поднял на Венеру красные безразличные глаза и отхлебнул. Потряс бутылку и снова отхлебнул. От Венеры исходил легкий пар.

– Бр-р-р! – будто выбежавший из воды пес, Ирек встряхнулся всем телом.

Он встал, спрятал бутылку под сиденье, где аккуратно были сложены дрова, и снял джинсы. Отодвинув Венеру, словно мебель, Ирек вошел в баню. Женщина так и осталась стоять, держа в одной руке куртку, в другой – футболку. Зашвырнула их в угол и села туда, где только что сидел Ирек. Запустила руку под сиденье и вытянула бутылку. Открыла, понюхала, поморщилась, потрясла, глотнула, вскочила, заставила себя проглотить и, широко открыв рот, задышала часто.

За дверью слышались льющаяся вода и бормотание. Венера, словно испугавшись чего-то, вздрогнула, вновь отпила из бутылки и проглотила уже легче. Из бани слышался какой-то странный стон. Венера хотела открыть дверь, но в нее сильно ударили с той стороны. Венера отскочила. Дверь стукнули опять. Через мгновение женщина осторожно толкнула дверь и увидела, что Ирек, потирая свой кулак, сидит на корточках возле печи. На его круглой спине Венера заметила две крупные родинки.

Спина вдруг затряслась, и Ирек, зажмурившись, загудел

себе в ладонь. Венера плотно закрыла дверь, подошла к нему и тихо присела рядом. Мягко обняла его, прижалась своей прохладной грудью к его горячей мокрой спине.

Венера осталась жить у них. Один только Мунир полюбил ее и называл мамой, на что сестра обижалась, запиралась с братом в комнате, будто для игры, и внушала: настоящая мама смотрит с неба и плачет. Мунир боялся, на улице глядел в небо, но не видел там никого и снова отвечал искренней любовью на Венерину заботу. Он один, одна только его любовь не отпускала Венеру. Амина обижала мачеху, когда дома не было отца. Порой Мунир яростно бросался на сестру с кулаками. Хватал за волосы и тянул на себя. Венера скрывалась от визжащих брата и сестры куда-нибудь во двор и мучилась на свежем воздухе. Ей хотелось нареветься в подушку или в воздух, но женщина разучилась плакать. Она затыкала уши и пыталась молиться, глядя на верхушки деревьев.

Это была самая долгая зима в жизни женщины. Она пришла к Иреку совсем недавно, но будто жила с ним много несчастных лет. Терпела выходки умной, взрослой девочки, которая вбила себе в голову, что, если полюбит мачеху, предаст мать. И во имя ее памяти изо дня в день отравляла жизнь Венеры. Амина припомнила приметы, которыми напиралась в детстве: причешет Венера волосы возле трельяжа, расческу в выдвижной ящик спрячет, а Амина, пока никто не видит, соберет волосы с расчески, скатает в комок и пустит на ветер. Птица какая-нибудь на лету перехватит и в

гнездо к себе унесет. Птенцам тепло, а у Венеры непременно заболит голова. А чтобы уж наверняка да посильнее – Амина берет Венерину беретку и подбрасывает ее, словно мяч. На пол швыряет, тихо топчет ногами, зажмуриваясь при этом. Крутит на указательном пальце. Потом положит беретку на полку, где и взяла. Или сварит Венера суп, и стоит он на плите, дожидаясь главы семейства. А Амина прокрадется в кухню, бухнет в кастрюлю аж пять столовых ложек крупной соли. И вся семья остается голодной.

– Тетя Венера совсем не умеет готовить, – с ложным сожалением говорит Амина. – А мама умела.

И девочка принималась стряпать что-то на скорую руку. Ирек уходил в зал и, подложив под голову медведя со впадиной на животе, листал телеканалы. Венера отправлялась грустить на улицу. Сядет у ворот и глядит в небо, на голые ветки берез. И кажется ей, что все в мире счастливы. Все, кроме нее. В такие минуты ей хотелось побыть с Суфией, посидеть рядом, слушая, как умиротворенно стучит ее машинка. Но швея жила в соседнем поселке, через две станции. Иногда после суток дежурства Венера забегала к ней. Старушка не спрашивала, как ей живется. Суфия не влезала в новую, еще не окрепшую семью. И когда семья расцветет четырьмя сердцами, и когда, Алла бирса, забьется внутри Венеры пятое, Суфия будет шить им одежду, и даже шелковая блузка согреет зимой, потому что все, что сшито с пожеланием добра, носится легко и радостно.

Каждое новое утро было тяжелее вчерашнего вечера. Венера могла бы затеять скандал: давно пора поставить падчерицу на место и стать в доме полноправной хозяйкой. Но женщине хотелось молчать, потому что ей открывалась только ее, Венерина, истина, причиняя и боль, и радость: когда Мунир прижимался к ней всем своим маленьким телом, Венера понимала, что прошлая жизнь, кокетство ее неумелое, желание выйти замуж за прочного мужика, с которым была бы уверенность в завтрашнем дне, остались далеко позади. Женщина поняла, что целую вечность не плакала, но отсмеялась, отхулиганила на много лет вперед. Ей хотелось быть доброй мамой для этих детей. Но она не понимала, что значит – быть матерью? Кормить и тепло одевать? Читать на ночь сказку? Это лишь поверхность материнства. Чему она может научить их? Что умеет сама? Со своей настоящей мамой они не скучали! Резеда была как колокольчик. Взрослый человек рано или поздно устанет от ее беззаботного звона, но малышам нравятся такие взрослые, которые только телом выросли, а в душе остались детьми.

Засучив рукава, Ирек занялся сыном и стройкой. Вручал Муниру букет гвоздей и заставлял стоять рядом и подавать гвозди. Мальчику становилось скучно, куда с большим удовольствием он прижался бы к мягкой Венериной груди и послушал сказку. Но Ирек решил так: они с Муниром – мужская шайка и будут строить дом. А Венера с Аминой пусть

занимаются своими женскими делами. Кроме того, отец отчаянно желал, чтобы дочь его вновь сделалась ребенком – иначе зачем было звать к себе Венеру? И мужчина подталкивал Амину в жестокое детское общество, не ведая, какими коварными бывают сердца созревающих девочек. Амина и сама попыталась как-то примкнуть то к одной, то к другой девичьей стайке. Лучше остаться сироткой-дикарем, чем быть на побегушках у злых детей. Почему-то во все времена взрослеющие дети выбирали грушу для битья и изо дня в день унижали. Амина к тому же вновь хорошо училась, ведь она пообещала отцу, что станет отличницей. Лишь бы не приводил он в дом женщин.

Но женщина появилась. И такая, возле которой можно быть ребенком, но Амина повзрослела во времена болезни своей матери, о которой плакала лишь однажды. И вбила себе в голову, что обязана блюсти отца, обречь его на пожизненное одиночество, а себя и брата – на горькое детство. Втроем должны они тосковать по матери, по коню ее, который так и не вернулся с кладбища и, видимо, где-нибудь умер. И ни одна женщина не смеет согреть их опустевший, печальный дом – единственное, что у Амины осталось. И она дорожила этим домашним миром, где все было просто и ясно: надо постирать, вымыть полы, истопить баню, налепить пельменей. Потому что ей, отцу и брату нужно одеваться, питаться, мыться. И неясно было Амине, почему обзывают ее на переменах? Хихикают и строят рожи, когда она отве-

чает у доски? Берут ее тетрадь, чтобы списать домашнее задание, и выводят помадой: дура! Раньше от всего этого можно было укрыться дома. Теперь же и здесь поселился враг. Но это временно. Потому что Амина придумает много способов, чтобы прогнать подругу своей матери.

Каждое новое утро было тяжелее вчерашнего вечера. Венера и Ирек редко разговаривали. Мужчина уже раскаялся, что прислушался к словам тестя. Женщина жалела, что прониклась тайной Суфии и пришла сюда жить. Но и Ирек, и Венера волшебным образом чувствовали, что разойтись уж никак нельзя.

И продолжали мучиться.

После ужина Ирек, лежа на диване, подложив под голову медведя, смотрел телевизор. Венера укладывала Мунира, мягко заговаривала с Аминой – то советовалась с ней, то хвалила, на что получала презрительный взгляд, а порой – страшное, обидное слово. И убеждалась: девочка наглухо закрыта, она кричит от боли, думая, что во всем, во всем на свете виновата Венера.

Когда Мунир засыпал, Венера, плотно прикрыв дверь детской, подходила к дивану, где спал Ирек. Выключала телевизор, немного стояла рядом со спящим мужчиной, думая, что он позовет ее. Потом уходила в спальню, оставив дверь чуть приоткрытой. Чувствуя, что женщина ушла, мужчина открывал глаза и долго таращился во тьму.

Каждое новое утро было тяжелее вчерашнего вечера.

Венера думала, что если б Амина была чуть добрее, то и равнодушие Ирека сносилось бы легче. И если бы Ирек хоть обнял ее, взял за руку – при детях проявил к ней нежность, – то жестокость Амины не была бы в самое сердце. И главное: видя, что отец ценит Венеру, девочка перестала бы ее обижать. Ирек лишь прикрикивал на дочь, когда она перегибала палку в своей грубости, а однажды выпорол ремнем у Венеры и Мунира на глазах, и ни слезинки не проронила девочка. Молча жмурилась, сжималась вся и ждала, когда ее отпустят. Потом много дней не разговаривала ни с кем и пуще прежнего возненавидела мачеху, да и отца, кажется, разлюбила. Никогда он ее не трогал, а тут! Из-за этой!.. Не стать ей матерью! Никогда!

Отчаянно пытаюсь согреть землю, солнце едва справлялось со снегом. Люди еще не пробудились, не задышали, не распахнулись навстречу весне.

Иногда от вновь накотившей тоски и понимания, что все идет не так, что обустроить в срубе детскую безрадостно, а сыну с отцом неинтересно, Ирек срывался и в очередной «последний раз» заливался тем, что плохо пахнет утром. Впадина на животе медведя за ночь делалась глубже, потому что у Ирека голова чугунела. Слух мужчины улавливал утреннюю кухонную суету, сон покидал мозг, глава семейства вставал и, кое-как справившись с головокружением, выходил к Венере и детям.

Каждое новое утро было тяжелее вчерашнего вечера.

– Чего так рано? – осведомился отец.

– Я дежурная, – ответила Амина, надевая обувь.

Ирек жадно попил воды из-под крана и тяжело присел за стол. Венера положила ему каши.

– Сегодня у Мунира в садике утренник, – сказала Амина на прощанье. – Не забудь пойти.

И вышла.

Ирек большой ложкой зачерпнул кашу и положил в рот. Замер на мгновение и пулей вылетел во двор. Едва успел добежать до сарая – выплеснул из себя тошноту.

– Амина! – медведем зарычал Ирек, утирая рот.

Девочка остановилась в воротах. Несколько мгновений отец глядел на ее рюкзак. Дождался, когда дочь повернулась к нему лицом, и отчеканил:

– Давай-ка зайди. И поешь каши.

Амина давилась пересоленной кашей и понимала, что девочки, которые взяли моду унижать ее помаленьку, еще не так коварны, как родной отец, который жестоко стоял у нее над душой, требуя, чтобы она доела. Венере неприятно было глядеть на это, она быстро допила чай и поднялась из-за стола.

– Я отвезу тебя, – сказал Ирек. – Сейчас Амина доест, и поедем.

Он посмотрел в тарелку дочери – там ничего не убавилось. Вдруг отец схватил дочь за затылок и ткнул носом в пересо-

ленную противно-холодную кашу.

Кажется, Ирек испугался своего поступка, но виду не подал:

– Я отвезу тебя, Венера, – повторил он твердым голосом.

Венера намотала белый шарф, надела беретку, взбила расческой челку и через зеркало взглянула на Амину, которая стала вдруг крошечной и низко склонилась над тарелкой. С носа покапывала каша.

– Не надо. Доеду две станции на электричке, – упавшим голосом проговорила Венера в зеркало.

И вдруг повернулась к Иреку:

– Ты – идиот!

У мужика даже рот от такой наглости приоткрылся. Венера схватила кухонное полотенце и принялась вытирать девочке лицо, а Амина отчаянно отбивалась и испачкала Венере пальто.

– Пусть съест, пусть! – не унимался Ирек. – Будет в следующий раз знать, как продукты переводить!

На крик выбежал испуганный Мунир. Венера хотела убрать тарелку, но Амина, уже задыхаясь от душащих слез, схватила тарелку и потянула на себя. Уткнулась в кашу лицом и стала засасывать ее в себя. На мгновение Ирек и Венера растерялись. В следующую секунду девочку вырвало. Ирек схватил какую-то тряпку, чтоб вытереть, но Амину вырвало еще. Венера пыталась поддержать ей лоб и оттащить к помойному ведру, но девочка ударила женщину по лицу. Все

застыли. В полной тишине Амина ударила Венеру еще раз. Мунир заплакал. Ирек замахнулся было на дочь, но рука его зависла в воздухе и медленно опустилась.

Венера поднялась. Расстегнула пуговицы испачканного пальто, и оно упало возле ног. Женщина перешагнула через него. И вышла из кухни.

Вскоре вернулась в пальто своей подруги Резеды, в нем и ушла.

...Никому не ведомо, каким таким волшебством соткана женская душа, никто не может объяснить, почему одни женщины ищут счастья путем жестокости, а другие путем служения. Но даже у таких кончается терпение. Сутки через двое ездила Венера на дежурство в районную больницу, откуда Ирек и забирал ее по утрам. Венера отчаянно ждала от него хоть половину ласкового слова! Малейшего касания руки! А мужчина не понимал, почему женщина героически сносит его равнодушие? Подобная совершенно бескорыстная забота с ее стороны никак не укладывалась в его картину мира. Но когда Амина впервые ударила Венеру по лицу, женщина решила: это последняя пересоленная каша в ее жизни. В то утро Венера Ирека не дождалась.

Она вышла на крыльцо больницы. Прозрачный морозец тут же приятно ущипнул щеки. В пальто подруги было зябко и все же странно тепло. Оно Венере было мало, но Венера рада была его тесноте. Женщине было больно оттого, что не отзывается Ирек на ее доброе отношение. Почему Амина так люто ненавидит? А тесное, стискивающее пальто подруги помогло Венере понять, что вернуться в свой одинокий дом – это правильное решение.

Медленно побрела женщина по поселку. Промочила ноги, но обрадовалась этому: значит, снег начал потихоньку таять.

Луч солнца, преломившись о золотистый полумесяц мечети, на мгновение ослепил Венеру, она подняла было руку, чтобы прикрыть глаза, но пальто подруги не пустило ладонь к лицу. Женщина приблизилась к мечети. Вспомнила, как давным-давно детвора забиралась на этот самый холм и катилась с горы. Венера с Резедой садились в одни санки, чтобы не так страшно было. А брат Резеды Марат караулил девочек на середине горы, сбоку, и набрасывался на летящие санки. Все трое кубарем катились вниз, мальчишки хохотали и хвалили Марата, Резеда и Венера забрасывали его снегом. «Как странно, – думала Венера, – разве знали мы тогда, в детстве, разве ж думали о том, что кто-то из нас умрет раньше, кто-то позже, что мы вообще способны умереть? Марат в бане, Резеда от болезни, а я влезу в ее осиротевшую семью, и меня изведет и выгонит ее дочь...»

Венера обошла мечеть и увидела на крыльце муллу Мидхата, он колот лед на ступенях. Из-под лома резво отпрыгивали осколки. Венера хотела было пройти мимо, но мулла вдруг поднял голову и увидел ее. Расправил плечи и улыбнулся женщине. Она тоже улыбнулась ему и слегка кивнула. Мгновение они друг на друга глядели, Венера сделала робкий шаг в его сторону. Мужчина прислонил лом к стене и спустился с крыльца.

Мидхат и Венера поздоровались обеими руками.

– Ассалямагальяйкум, ханым, – поприветствовал ее мулла. Даже руки его, несмотря на то, что держал он холодный лом,

были теплые. От его рукопожатия и пальто будто бы ослабило хватку.

– Добрый день, – поздоровалась Венера, и на сердце потеплело от добрых мужских глаз.

Мидхат был одним из немногих людей, которые вертят земной шар. Хочется быть рядом с такими, потому что до мурашек уютно на душе.

– А я вот с дежурства домой иду, – сказала Венера и, прежде чем опустить глаза, заметила в аккуратно подстриженной бороде проседь.

– А я ступени чищу. Чтобы, если зайдет кто, – не поскользнулся. Хотя... мало кто сюда ходит.

Они одновременно и порывисто взглянули друг другу в глаза. Так глубоко, что Венера невольно отшатнулась:

– Скажите... А раньше... Могла я вас где-то видеть? Вы у нас в больнице не лежали, нет?

Венере не в первый раз чудилось, что она знала этого мужчину раньше. Она хорошо помнила то время, когда он только появился в поселке; как люди сперва не приняли этого человека, который не сближался ни с кем, а только читал и читал Коран и следил, чтобы мечеть строили хорошо. И как однажды кто-то позвал его к себе в дом почитать на поминках, после чего Мидхат сделался своим, будто жил здесь всегда.

– Хотите войти? – спросил он.

Венера растерянно поднялась на пару ступеней, но вдруг передумала:

– Я... в другой раз зайду.

Прощаясь, они вновь пожали друг другу руки, и Венере показалось, что пальто сжало ее сильнее. Женщине захотелось скинуть его, и она поспешила уйти. Но, отойдя от мачеты на несколько шагов, Венера обернулась. Мидхат будто знал, что так будет, пошел ей навстречу.

– Я... я не знаю, почему не хочу внутрь. – Она подняла глаза на минарет и вновь взглянула на Мидхата: – Мне неспокойно... Вернее, я думала, что все уже решила, и еще вчера мне было легко, да и сегодня тоже. Но когда подошла сюда, когда мы поздоровались, когда вы позвали внутрь, в одно мгновение что-то со мной произошло. – Венера жадно вгляделась Мидхату в лицо. – Ах, вы же не знаете! Что я ушла к нему, к ним, а потом не выдержала.

Венера оборвала себя, и глаза ее заблестели. Мидхат взял ее за плечи.

– Сегодня четверг, – с казал он. – День, когда за умерших читают. И за живых.

Венера достала кошелек и дала мулле десять рублей садэка.

– Почитайте за Резеду и Марата, брата и сестру. Их отца зовут Шамиль.

– Знаю. Почитаю. Ступайте, вы замерзли.

Венера и правда озябла, она легко побежала по тропинке и почувствовала, что ноги промокли еще больше. «Выброшу эти сапоги. И новое пальто куплю», – подумала она. Ей вдруг

захотелось погреться у костра, не у печки, а именно у костра. Весной они с Резедой любили временно подружиться с мальчишками, чтобы те взяли их в свою компанию, к костру. И было удивительно тепло рядом с весенним костром. А когда постарше стали, мальчишки сами звали к себе девочек, а они еще не сразу соглашались, но поддавались уговорам, якобы, чтобы шашлык поесть, хотя каждая девушка непременно была в одного из парней влюблена...

Не смогла Венера пройти мимо дома Суфии. Постучала пальцем по оконному стеклу. Суфия вышла. Сели на лавку. Покормили пшеном птиц. Потом вошли в дом. Венера с удовольствием скинула с себя тесное пальто. Суфия заметила, что это пальто Резеды, но вслух не сказала. Венера стянула сапоги, мокрые носки, надела теплые вязаные гетры и прикрыла от удовольствия глаза.

– Я вам подарок приготовила. – Суфия подала Венере аккуратно сложенный комплект постельного белья. Венера растерянно взяла его.

– Мы спим отдельно, – сухо сообщила она.

Суфия сглотнула какое-то бранное слово. Венера развернула наволочку, сунула в нее руки:

– Я могу выдержать равнодушие мужика. Но ненависть ребенка – это уже слишком. – Она скомкала наволочку и швырнула на лавку.

Суфия набрала в чайник воды. И они с Венерой стояли у плиты и ждали, когда вода вскипит.

– Я поговорю с ней, – пообещала Суфия.

Венера прошлась по тесной кухоньке. Сполоснула руки в раковинке. Поглядела на себя в небольшое зеркальце, что висело почему-то над газовой плитой.

– Ничего хорошего мне там не светит, Суфия-апа. Амина никогда не примет меня. С ней говорить бесполезно.

Суфия заварила крепкого чая в заварочном чайнике, закутала его и достала из буфета чашки.

– Уходи лишь в том случае, когда у тебя совсем, совсем не останется надежды! А пока можешь жить – живи.

– А если уже не могу?!

Суфия выставила на стол варенье и кувшин молока.

– А я больше шить не могу, – сообщила она. – Руки ломит, глаза не видят. Даже в очках.

– Вы сравнили! – Венера добавила в чай молока, опустила в чашку чернослив. – Не шейте. Вам давно на отдых пора!

– А зачем тогда жить? – мягко спросила швея.

Гостья смолчала. Она не понимала, как можно сравнивать ее добровольное несчастье и старушкино шитье.

– Порой мне страшно, оттого, что выдержала я смерть своих детей. Кажется, что нет у меня сердца. Потому что любая мать померла бы душой вслед за ними. – Голос Суфии задрожал. Она глотнула чай из блюдца и заговорила страшным шепотом: – Мучительно мне, Венера! Устала! Выстрадаться хочу. Выплакаться по детям своим! Понять не могу, откуда во мне столько сил душевных? И для чего? Ирек вон в себя

прийти не может, ему бы дала от себя хоть немного! Шамилю! Амине! Тебе!

На окно присел воробушек и с интересом взглянул на термометр. Суфия приоткрыла форточку.

– Весна в этом году запаздывает, – мрачно выдохнула Венера.

– Ага... холодно еще, а пахнет уж молодо! Воздух-то, а? – Суфия в одно мгновение сделалась жизнерадостной. При слове «весна» глаза ее засветились, как у юной. Будто не говорила она минуту назад тяжелых слов. – Идем, покажу тебе, какие костюмы мне заказали! Танцевальный ансамбль «Тамчы». Настоящие, татарские!

В большой комнате возле пошивочного стола на безголовом манекене красовалось настоящее татарское платье с белым передником.

– Всегда я любила растягивать шитье. Для меня шитье как песня. Это теперь я тороплюсь – заказов много, да и сама уж не та. Но с шитьем-то поторопиться можно. А с житьем – не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.